

К.А. Писаренко

ТАЙНЫ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

РОССИЯ
МОЯ ИСТОРИЯ

Россия. Моя история

Константин Писаренко

Тайны дворцовых переворотов

«ВЕЧЕ»

2017

Писаренко К. А.

Тайны дворцовых переворотов / К. А. Писаренко — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Россия. Моя история)

ISBN 978-5-4484-7852-9

Политическая история России XVIII века – это, по сути, история дворцовых переворотов. Ученые выделяют семь крупных «дворцовых бурь», потрясших Российскую империю той эпохи. Это воцарение Екатерины I, падение Меншикова, воцарение Анны Иоанновны, падение Бирона, воцарение Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I. К ним примыкает политически менее значимая, но шокировавшая русское общество расправа над Артемием Волынским и загадочная, омрачившая триумф Екатерины II смерть Петра III в Ропше. Историки называют разные причины столь частой смены власти, однако они сходятся в одном: каждый такой переворот вносил важные изменения в политику государства, а в случае с Екатериной II ознаменовал начало новой эпохи в истории России. Историк К.А. Писаренко в своей книге рассматривает тайные пружины дворцовых заговоров и переворотов, знакомит читателя с яркими личностями того времени, развенчивает устоявшиеся мифы и легенды.

ISBN 978-5-4484-7852-9

© Писаренко К. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Вместо предисловия	5
1725 год. Три январских дня	7
1727 год. Дебют цесаревны	20
1730 год. Две республики	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Константин Писаренко

Тайны дворцовых переворотов

Вместо предисловия

Истина и миф... Сколько существует историческая наука, столько первая пытается победить в ней второй, но до сих пор никак не получается. Слишком много усилий – и творческих, и физических, и душевных – требуется приложить, чтобы собрать воедино, проанализировать и состыковать друг с другом все сохранившиеся документальные свидетельства о том или ином событии. Ведь это единственный способ достижения желаемой цели – восстановления подлинной картины прошлого.

Прочие средства, к сожалению, самообман, миф порождающий. А миф порочен, в первую очередь потому, что, завлекая своей правдоподобностью, обрекает на совершение ошибки. Причем миф, как сорняк, возрастает легко, быстро и отличается завидным долголетием, имея благодатную питательную среду – лень и эгоизм исследователя. Лень блокирует его волю к поиску максимального числа источников, к тщательному и всестороннему осмыслению накопленного материала. А эгоизм заставляет до конца держаться раз обнародованной версии, невзирая ни на конструктивную критику оппонентов, ни на вновь обнаруженные или ранее не учтенные факты, противоречащие полюбившейся концепции.

Между тем господство мифа в истории превращает данную науку в мертвую и бесполезную для смежной с ней дисциплины – политики, нуждающейся в точном знании о закономерностях общественного развития, формах государственного устройства, роли личности в разных политических обстоятельствах. При отсутствии такого знания политик остается опасным природным явлением, время от времени поражающим человечество то революцией, то войной. Точь-в-точь как в ненастную погоду молния, смерч или ураган. И, увы, пока историки не прекратят дискутировать о предпочтительности той или иной мифической схемы, не займутся скрупулезной, подетальной реконструкцией поступков наших предков, говорить об обуздании разрушительной мощи политических процессов не приходится.

История для политика то же, что математика, физика и химия для изобретателя. Без опоры на «живой», ежедневный опыт мировой и национальной истории ему крайне тяжело ориентироваться в чрезвычайно динамичной реальности и не допускать грубых просчетов в своей деятельности. Как воздух, нужна консультативная помощь исторической науки. Вот только, насколько качественной может быть помощь истории, если в ней до сих пор хронологию выстраивают по «годам», в лучшем случае, по «месяцам», а главными объектами изучения являются страны и народы, в лучшем случае, классы и сословия! Конкретный человек нынешней истории интересен не сам по себе, а как выразитель чаяний наций, классов, различных социальных групп.

Однако историю вообще и политическую историю в частности творят конкретные люди, со своими идеями, желаниями, вольными или невольными заблуждениями. И, значит, лишь анализ каждого слова и шага каждого человека способен высветить подлинную картину истории, как в целом, так и в политическом ее аспекте. Конечно, докопаться до истины глобального масштаба едва ли возможно. В архивах и библиотеках просто не отложился соответствующий материал. Зато часть от целого – среди иного и политическую историю – восстановить на уровне «день» и «час» – задача вовсе не утопичная, поскольку в нашем распоряжении есть достаточно источников, отражающих повседневную деятельность первых персон государства, а также лиц, их окружавших.

Яркий тому пример – история дворцовых переворотов в России XVIII века. Не считая мелких, ученые выделяют семь крупных «дворцовых бурь», потрясших Российскую империю в ту эпоху: воцарение Екатерины I (январь 1725 года), падение Меншикова (сентябрь 1727 года), воцарение Анны Иоанновны (февраль 1730 года), падение Бирона (ноябрь 1740 года), воцарение Елизаветы Петровны (ноябрь 1741 года), воцарение Екатерины II (июнь 1762 года), воцарение Александра I (март 1801 года). К ним примыкают политически менее значимая, но шокировавшая русское общество расправа с Артемием Волынским (июнь 1740 года) и загадочная, омрачившая триумф Екатерины смерть Петра III в Ропше (июль 1762 года).

Исходя из доминирования вышеуказанного принципа изучения истории, калейдоскоп свержений царей и регентов в течение немногим более четверти века (1725—1762) принято объяснять, во-первых, упразднением в 1722 году древнего принципа преемственности власти – по прямой мужской линии, и, во-вторых, волевым вмешательством в порядок престолонаследия русских янычар – выпестованных Петром гвардейцев. Вот якобы ключевые причины возникшей на российском политическом Олимпе династической чехарды. Правдоподобно? Вполне! Схема нового мифа родилась, и тот со временем крепко засел в анналах исторической науки. Тем не менее сей миф в корне ошибочен, и прежде всего от того, что опирается на факты «большие», общего характера, оставляя за бортом фундамент истории – факты «малые», повседневные. А посему, на мой взгляд, нет ничего удивительного в том, что возвращение из небытия последних полностью изменяет представление о причинах, движущих силах и значении знаменитых и легендарных дворцовых «революций» почти трехсотлетней давности.

Впрочем, не стоит забегать вперед. Правильнее рассказать о каждом из них по порядку.

1725 год. Три январских дня

Что мы знаем о восшествии на престол супруги Петра Великого – императрицы Екатерины I? Как правило, только то, что Александр Данилович Меншиков в союзе с П.А. Толстым, П.И. Ягужинским, Феофаном Прокоповичем и другими, опираясь на поддержку гвардии полков, заставил сенаторов – сторонников внука царя-реформатора, великого князя Петра Алексеевича (Д.М. Голицын, В.Л. Долгоруков, А.И. Репнин), провозгласить преемником вдову скончавшегося государя. Кульминацией дворцовой революции стало появление в царской резиденции толпы преображенцев и семеновцев, которые потребовали отдать скипетр матушке-царице, что перепуганные члены Сената тотчас одобрили.

Такую трактовку событий изложили в своих знаменитых мемуарах Геннинг Бассевич, Бурхард Миних и некий аноним, чей труд прежде приписывался вице-адмиралу Никите Вильбуа, а скорее всего, принадлежит перу профессора Российской академии наук Я. Штелина. Прочие свидетельства, в том числе и описание переворота Феофаном Прокоповичем, опубликованное в 1726 году, реляции французского посла Ж. Кампредона за январь – февраль 1725 года, до сих пор служат для историков в качестве не первоисточника фактов, а кладезя занимательных дополнений к общепринятой версии. При этом показания непосредственных очевидцев, противоречащие канону, просто игнорируются. Хотя, если отрешиться от привычной схемы и попытаться сопоставить и логически увязать между собой все имеющиеся известия о драме, разыгравшейся в ночь на 28 января (8 февраля) 1725 года, как давно обнародованные, так и обнаруженные в архивах в последнее время, то картина получится совсем не та, что растиражирована в популярных литературных романах и киноэкранизациях.

* * *

26 января 1725 года около восьми часов утра за столом в просторном зале Старого Зимнего дворца, примыкавшего к Немецкой (ныне Миллионной) улице, расселись пять сенаторов – князь Василий Лукич Долгоруков, граф Яков Виллимович Брюс, граф Федор Матвеевич Апраксин, граф Петр Андреевич Толстой, граф Гавриил Иванович Головкин. Будущий граф Павел Иванович Ягужинский, видимо, задерживался или вообще не пожелал явиться, почему сановники решили не ждать генерал-прокурора, а без проволочек приступить к рассмотрению повестки дня. Первым из приемного покоя в присутствии секретаря вызвал директора Канцелярии от строений.

Ульяна Акимовича Сенявина возмутило излишнее усердие генерала-полицмейстера Антона Девиэра, который в погоне за казенной прибылью велел подчиненным ставить клейма на хомутах уездных извозчиков. Мужики, столкнувшись с нововведением, возроптали и отказались возить «з заводов» кирпич, а «на заводы» дрова и глину, ибо главная полиция намеревалась взимать с помеченных хомутов налог. Многие недовольные сбегали из Петербурга. Работы застопорились. Между тем эти извозчики – сезонные. Они не трудились в столице круглый год, и на них не распространялся хомутный сбор, требующийся для содержания городских фонарей. Выслушав господина директора, сенаторы дали слово секретарю, который зачитал спровоцировавший конфликтную ситуацию указ от 13 декабря 1723 года. После короткого обсуждения постановили «тот указ отменить, а быть тому хомутному збору по прежнему в Акцизной каморе, а что тех хомутных денег в зборе будет, тое суму отсылать в полицию».

Вторым в зал вошел целовальник китайского каравана. Прежде чем одобрить отправку экспедиции на Дальний Восток, их сиятельства спросили у чиновника, нельзя ли распродать товары не в самом Пекине, а в Урге (у зенгорцев, народа, проживавшего на северо-западе

современного Китая, частично в Монголии), если она по пути, или в ином каком близком от русской границы месте, дабы сократить сроки путешествия. Целовальнику пришлось огорчить вельмож: в Урге «збыта мало бывает». К тому же нередко туземцы предлагают в оплату изделия невысокого качества. Да и в принципе гораздо выгоднее торговать нереализованными вещами, возвратившись в Россию, чем искать покупателей для всего каравана среди «кугуртов». Министры разъяснения приняли к сведению и санкционировали вояж до китайской столицы.

Затем Павел Иванович Ягужинский, приехавший во дворец на исходе девятого часа, доложил Сенату о новых обстоятельствах в деле дворовых Салтыкова. Доносчик, обвинивший кого-то в убийстве, «с трех розысков» и «с битья» признался, что оговорил человека «по научению товарища своего», ныне уже скончавшегося. Посовещавшись, сановники постановили провести более тщательное расследование в Юстиц-коллегии, привезя все бумаги из Углича и из Московского надворного суда в Петербург. А ранее арестованных холопов Салтыкова, исключая доносчика, предписали освободить из-под стражи.

Сенаторы едва успели сформулировать общее мнение по третьему пункту, как вдруг дверь в зал с шумом распахнулась, и на пороге появился офицер гвардии Родион Кошелев с ошеломившей всех новостью из Нового Зимнего дворца: «Государю опять плохо! Кажется, он умирает!» Быстро подписав ряд протоколов по решенным в прошлые дни проблемам, Апраксин, Брюс, Головкин, Долгоруков, Толстой и Ягужинский досрочно закрыли заседание и устремились на улицу, торопясь пересечь небольшой переулок, отделявший два Зимних дворца друг от друга. Стрелки на стенном циферблате показывали десятый час пополудни[1].

* * *

Почему фраза Кошелева повергла в шок сенаторов? Потому что почти сутки истекли с того момента, как петербуржцы вздохнули с облегчением, уверенные в начале постепенного выздоровления императора, более недели (с 17 января) мучившегося от застоя мочи. Боли то отпускали монарха, то нестерпимо усиливались, и тогда в западном крыле дворца раздавались истошные крики несчастного. Придворные врачи во главе с Лаврентием Блюментростом выглядели беспомощными, хотя упрямо продолжали настаивать на избранном ими курсе лечения.

18 января пациент проконсультировался с независимым доктором – Джованни Арунцем Аззарети. Итальянец успокоил царя: причина припадков – «застарелая венерическая болезнь», из-за которой в мочевом пузыре образовались небольшие язвы. Серьезной опасности нет. Через несколько дней острые боли утихнут и, если Его Величество позволит сделать себе операцию (без нее не обойтись), француз-хирург из свиты Ж. Кампредона легко извлечет «застоявшуюся и гниющую» в мочевом канале урину, после чего останется только посредством проверенных на опыте микстур вылечить шейку пузыря от покрывших его изнутри язв. Петр весьма неохотно согласился с эскулапом. Сам же в надежде найти иной способ исцеления, без хирургического вмешательства, 19 января снарядил в Москву курьера – конюха Андрея Суворова – за светилом медицины греком Георгием Поликоли.

Прогноз Аззарети подтвердился. Вечером 20 января боли действительно стали ослабевать. В пятницу 22 января спала температура, моча заметно посветлела. Пора было делать операцию. Однако государь не торопился вызывать итальянца с французом. Он явно боялся чело- века с ланцетом в руке. Блюментрост со товарищи, видя настроение хозяина, поддакивал ему, рекомендуя все тот же малоэффективный «пальятивный» метод (пичканье пациента «одними бальзамическими травами»). Драгоценные часы благоприятного перерыва в болезненных припадках быстро таяли. Паузой так и не воспользовались.

Поздним вечером 23 января кризис повторился. Задержания мочи возобновились. А с ними и мучения императора. Несмотря на очевидное ухудшение, Петр по-прежнему отклады-

вал операцию. Зато в ту же субботу 23-го послал очередного нарочного – капрала-преображенца Никиту Данилова – в Москву за знаменитым доктором Бидлоо, который уже вряд ли бы смог чем-либо помочь. Аззарети напрасно бил тревогу. К нему не прислушались ни 23-го, ни 24-го числа. Полагаю, придворные архитекторы в том не виноваты. У них просто не хватило духу спорить с грозным работодателем. А тот до конца сопротивлялся неизбежному. Лишь утром 25 января Петр Великий капитулировал: у вытекавшей по капле мочи появился жуткий «гнилостный» запах. Царь осознал, что дальнейшее промедление с обращением к хирургу смерти подобно, и отважился вручить свою жизнь англичанину Вильяму Горну, пятнадцать лет служившему в госпиталях Франции. Тот успешно реализовал советы итальянца. Зонд вытащил наружу до четырех фунтов урины, «страшно вонючей... с примесью частиц сгнившего мяса и оболочки пузыря».

Больной тотчас почувствовал себя лучше и, нуждаясь в отдыхе после сильной предоперационной нервотрепки, вскоре заснул. А вот врачам в тот понедельник, похоже, не довелось безмятежно сомкнуть глаз. Их, конечно, насторожила подозрительная смесь мочи с частичками сосудов, поврежденных едкой жидкостью. Но до поры до времени они предпочитали помалкивать, не желая страшать придворных печальными перспективами, слух о которых, безусловно, подорвал бы душевное равновесие высочайшей персоны. Между тем оно императору сейчас требовалось больше всего.

Медики старались приободрить окружающих, ожидая с тревогой нового дня. Вопрос элиту российской медицины волновал один: успел ли Горн предотвратить перерастание воспалительного процесса в мочевом пузыре в антонов огонь? Иными словами, проникла инфекция в кровь или нет? 25 января никто не мог дать на него точный ответ. Оставалось уповать на милость Господа. Вечером в понедельник и в ночь на вторник император озноба не ощутил. Наоборот, неплохо выспался, а на рассвете 26 января выразил желание поесть немного овсянки. Около девяти часов утра монарху в Конторку (узенький кабинет на втором этаже западного флигеля; прямо под ним – кухня с лесенкой наверх) принесли тарелку с кашей. Он сделал несколько глотков, и вдруг все находившиеся в комнате заметили, что царя пробивает дрожь. Врачи пощупали лоб, пульс и моментально поняли: надеяться более не на что. У государя – жар. Началась гангрена. Петр обречен. К сожалению, чуда не случилось. Потеря двух с половиной суток предрешила трагический финал.

Страшная весть мигом разлетелась по дворцу, позже по всему городу. Первыми спустя минут пятнадцать – двадцать в императорскую резиденцию из соседнего по каналу дома пришли пять сенаторов вместе с генерал-прокурором. Петр Толстой сразу направился к Джованни Аззарети. Общение с доктором было кратким. Итальянец обрисовал ситуацию лаконично и без обиняков: «Если для блага государства нужно принять какие-нибудь меры, то пора приступить к ним, ибо царю недолго уж остается жить»[2].

* * *

26 января 1725 года. Одиннадцатый час пополудни. В одной из комнат на половине царицы беседуют два человека – императрица Екатерина Алексеевна и Петр Андреевич Толстой. Возможно, по ходу разговора к ним присоединился третий участник – Александр Данилович Меншиков. А еще незримо здесь присутствовала четвертая персона – цесаревна Елизавета Петровна, лицо наиболее заинтересованное в грядущих событиях. Ведь захват самодержавной власти ее матерью, о чем и шла речь на «консилиуме», наибольшие дивиденды сулил не Меншикову, не Толстому и даже не Екатерине, а именно юной принцессе. И вот почему.

Петр Великий не собирался и, похоже, никогда бы не согласился, опираясь на закон от 5 февраля 1722 года, назначать своим преемником среднюю дочь (младшая, Наталья Петровна, скончалась 21 февраля 1725 года). Историки, ссылаясь на мемуары голштинца Г.Ф. Бассевича

и депеши дипломатов, склонны видеть в Анне Петровне истинного выдвиженца царя. Боюсь, историки ошибаются. Настоящего наследника не спроваживают за границу в обозе иноземного жениха и, тем паче, не заставляют подписывать брачные контракты с клятвой отречения за себя и детей от прав «на корону и Империум Всероссийский». К тому же реляции послов доносят до европейских монархов не позицию самого императора, а приватное мнение его соратников (в частности, П. Шафирова). Те же, естественно, из четырех кандидатур – нелюбимого царем внука-тезки, неграмотной жены, неспособной без посторонней помощи управлять государством, и двух умных дочек – оценивали шансы старшей цесаревны выше прочих. Точка зрения, основанная на чистой логике. Та же логика сработала в ноябре 1723 года и в мае 1724 года: раз государь коронует супругу, значит, и власть достанется ей. Как-то от политических экспертов той эпохи ускользнул другой мотив, которым самодержец тоже мог руководствоваться: с коронованной вдовой царя ее врагам придется считаться; от государыни (бывшей крестьянки и метрессы), не миропомазанной на царство, завистники легко избавятся. Наверняка неслучайно в манифесте от 15 ноября 1723 года проблема престолонаследия не затрагивается. Зато в изобилии есть лестные отзывы о храбрости, добродетелях и услугах, оказанных Екатериной Отечеству[3].

Скорее всего, первый император так и не выбрал себе достойного преемника ни в 1722, ни в 1723, ни в 1724-м, ни в январе 1725 года. Потому-то особа, сочувствовавшая Екатерине, плела закулисную интригу в абсолютной уверенности, что знаменитый февральский закон трехлетней давности в предстоящей дуэли не превратится из пустой бумажки в мощное оружие одной из партий. Впрочем, на традицию хитрецу также уповать не стоило, ибо она предписывала отдать венец внуку Петра – девятилетнему сыну царевича Алексея. Правда, традиция обязывала назначить малолетнему государю опекуна из числа ближайших родственников. В ситуации января 1725 года на сей высокий пост всерьез никто, кроме супруги преобразователя, не претендовал. И вроде бы вырисовывался вполне взаимоприемлемый вариант и для поклонников великого князя (их огромное большинство), и для приверженцев Екатерины (оных явное меньшинство): Петр – император; Екатерина – регентша. Однако таинственная особа думала иначе. Ей зачем-то понадобилось, чтобы не мальчик, а сорокалетняя женщина незаконно возшла на трон. Идея – сумасшедшая! Что этот авантюрист мог противопоставить вековому обычаю? Имей он на руках тестамент умиравшего царя, никто бы и пикнуть не посмел. Но у него ничего не было, лишь чрезмерные амбиции и «светлая» голова на плечах, которая и произвела на свет самостоятельно или в соавторстве с кем-либо проект имитации завещания императора – грандиозную, великолепно срежиссированную пьесу в трех актах.

Кто же замутил воду у смертного одра Петра Великого? Фактически ответ прозвучал в ходе бурных дебатов утром 28 января на внеочередном расширенном заседании Сената, когда лидеры проекатерининской группы категорически отказались пойти на поводу у оппозиции и одновременно провозгласить Екатерину императрицей, а Петра Алексеевича ее наследником[4]. Значит, внук царя перешел дорогу не только «бабушке», но и еще кому-то. Кому же? Тому, чье имя «русская золушка» из Лифляндии с радостью вписала бы в собственное завещание. Это имя всем известно. Если еще можно спорить о том, какой из дочерей больше симпатизировал отец, то предпочтения матери не подлежат сомнению: она души не чаяла в Елизавете.

Взлет матушки на вершину политического Олимпа открывал перед младшей цесаревной широкие политические перспективы: максимум – власть над Россией после кончины или отречения первой императрицы; минимум – положение самого влиятельного советника при плохо разбиравшейся в процессе управления самодержице. А вот победа племянника сильно сужала принцессе поле для маневра, хотя для любого другого воцарение Петра II означало бы полный крах всех надежд.

Итак, скорее всего, знаменитая дочь Петрова постепенно, в течение полутора – двух лет, внушила родительнице мысль активно побороться за императорский скипетр. Назвать с той же

определенностью автора изощренной комбинации, обеспечившей Екатерине успех, затруднительно. Это либо Елизавета, либо граф Толстой, либо сценарий – плод их совместного творчества, в котором цесаревна участвовала как бы невзначай. Ни темпераментному Меншикову, ни осмотрительному вице-канцлеру, уроженцу Вестфалии Остерману подобное озарение не свойственно, а неистощимый на фантазии Бассевич, безусловно, проболтался бы о нем в своих мемуарах.

Судя по оперативности, с какой партия Екатерины приступила к осуществлению ключевых мероприятий, на утреннем совещании у царицы 26 января решались не стратегические (уже одобренные ранее), а тактические вопросы: кто, что и когда должен исполнить. Сразу же по окончании «летучки» начался первый акт политического спектакля.

* * *

Екатерине досталась самая легкая и естественная роль. В Конторке мужа царица оплакивала свалившееся на нее горе. Между тем Петр Толстой переговорил с главными оппонентами – Д.М. Голицыным и А.И. Репниным, по примеру прочих сенаторов и вельмож приехавшими в Зимний дворец, а также с В.Л. Долгоруковым. Александр Меншиков встретился с Геннингом Бассевичем и попросил голштинца свести и помирить его с П.И. Ягужинским. Елизавета обреталась вблизи от матери, чтобы в случае чего помочь советом. Но, похоже, форс-мажора не возникло. И Толстому, и Меншикову сопутствовала удача.

Почитателей великого князя не насторожила покладистость семидесятилетнего старика. Они восприняли на ура сообщение Петра Андреевича о намерении Екатерины подчиниться народной воле и удовольствоваться званием регентши при малолетнем Петруше. Традиционалисты сразу же успокоились, расслабились и без стеснений проинформировали иностранных дипломатов о достигнутом компромиссе. Вечером 26 января (6 февраля) Ж. Кампредон отразился в Версаль: «...близко знакомые с делами лица... уверяют, что сенат принял уже меры сообща с царицей. Наследником, говорят, будет провозглашен великий князь... А во время его несовершеннолетия царица будет правительницей совместно с Сенатом». Утром 27 января о том, что «все... улажено в пользу великого князя», прознал шведский посланник Г. Цедеркрейц[5]. Так ловко мастер убеждения Толстой добился первого результата: усыпив бдительность, нейтрализовал противника. Тем самым граф облегчил работу напарника. Александр Данилович в те же часы при посредничестве Бассевича сумел найти общий язык с Павлом Ягужинским.

Бедный Геннинг Фридрих Бассевич! Он так и не догадался, для чего светлейший князь искал через него примирения с генерал-прокурором. Чувствовал, не зря Ягужинского обхаживает сам Меншиков. Но воображения, чтобы расшифровать хитроумный замысел, не хватило, а оба приятеля (к голштинцу потому и обратились, памятуя о дружбе иноземца и с фельдмаршалом, и с генерал-прокурором, без конца враждовавшими между собой) даже не намекнули на истинную картину. Спустя двадцать лет тайный советник герцога Голштинского взялся за сочинение воспоминаний. Захотелось похвастаться той важной ролью, которую довелось сыграть при возведении на престол Екатерины I. Только о чем рассказать читателям? Об организованной им разрядке напряженности в отношениях Меншикова и Ягужинского?! Без соответствующих объяснений потомки признания не оценят. Раскрыть секрет двух своих друзей Бассевич за истекшие десятилетия не смог. Вот и компенсировал неосведомленность романом о коварных злодеях и трех доблестных рыцарях, спасших честь знатной дамы: «...пока она (Екатерина. – *К.П.*)... утопала... в слезах, в тайне составлялся заговор, имевший целью заключение ее вместе с дочерьми в монастырь, возведение на престол великого князя Петра Алексеевича и восстановление старых порядков, отмененных императором...

Ждали... минуты, когда монарх испустит дух, чтоб приступить к делу... В этот промежуток времени Ягужинский, извещенный о заговоре и движимый, с одной стороны, искреннею преданностью Екатерине... а с другой – дружбою к графу Бассевичу, явился к последнему переодетый и сказал ему: “Спешите позаботиться о своей безопасности, если не хотите... завтра же красоваться на виселице рядом с его светлостью князем Меншиковым. Гибель императрицы и ее семейства неизбежна, если в эту же ночь удар не будет отстранен...” Граф Бассевич немедленно побежал передать это предостережение убитой горем императрице. Наступила уже ночь. Государыня приказала ему посоветоваться с Меншиковым и обещала согласиться на все, что они сочтут нужным сделать... Меншиков... спал глубоким сном, ничего не подозревая о готовившейся катастрофе. Бассевич разбудил его и сообщил ему об опасности... Два гениальных мужа... не замедлили порешить, что следовало сделать».

Жаль «гениального мужа», увлекся банальным сюжетом вместо того, чтобы, пораскинув хорошенько мозгами, обнаружить уловку Толстого и Елизаветы, а потом смело приписать себе авторство. Ведь требовалось всего лишь связать воедино и проанализировать три факта:

1. Ягужинский – зять канцлера Г.И. Головкина.
2. Головкин – в числе лидеров партии великого князя.
3. Одно слово, произнесенное Головкиным в историческое утро 28 января, гарантировало победу партии Екатерины.

Увы, Бассевич мечтательного пыла не умерил, с небес на землю не спустился. В итоге канцлер, по версии неутомимого голштинца, очутился среди лиц, замыкавших цепочку перебежчиков из лагеря Петра Алексеевича в лагерь Екатерины Алексеевны. Однако в действительности Гавриил Иванович одним из первых под вечер 26 января примкнул к сторонникам царицы[6]. Правда, на условиях полной конфиденциальности, в которой, между прочим, и заключалась изюминка всей комбинации. Меншиков, вербуя по приказу свыше Ягужинского, а через него Головкина, наносил сокрушительный удар по сопернику. После того как Головкин дал добро на сотрудничество с приверженцами Екатерины, шансы ребенка занять российский престол снизились практически до нуля. Спасти великокняжескую фракцию от поражения ничто не могло, кроме своевременного разоблачения канцлера. Впрочем, Екатерина, Толстой, Меншиков и Елизавета хорошо позаботились о том, чтобы никто ни до, ни после легендарного утреннего собрания 28 января не проведал о вероломстве родовитого сановника.

Услуга, которой тесть Ягужинского обеспечил триумф противнику, внешне не выглядела впечатляющей. Гавриила Ивановича ни в чем не ограничивали. Он имел право сколько угодно агитировать за Петра Алексеевича, кричать и браниться в адрес сподвижников Екатерины (это, вероятно, даже поощрялось). Но когда Феофан Прокопович попросит участников совещания подтвердить реальность беседы Петра I с шестью светскими и духовными особами накануне Персидского похода, сиятельный «резидент» обязан был назвать себя свидетелем того принципиального разговора.

* * *

В шестом часу вечера 26 января «Его Императорского Величества... святили маслом», то есть «святым елеем помазали». За окнами сгущались сумерки. Царица, то плача, то стеная, безотлучно сидела у постели государя. Рядом стояли священники, готовые прочитать отходную молитву или причастить царя. В соседних покоях устраивались на ночлег сенаторы, главы коллегий и канцелярий, генералитет и придворные высшего ранга. К тому моменту первый раунд политической борьбы завершился с заметным преимуществом сторонников Екатерины. Во-первых, им удалось убедить в своей лояльности оппонентов, и те не посчитали нужным как-либо подстраховаться. Во-вторых, Меншиков с Толстым успели до начала агонии императора сформировать труппу из шести «актеров», которым вскоре придется разыграть короткую,

но очень важную интермедию. От искренности исполнения зависел успех всего предприятия. Главную роль поручили Г.И. Головкину. Еще три светских персонажа нашлись в собственных рядах или среди тех, кто держался подальше от конкурирующих партий. Перевоплотиться в двух архипастырей – мнимых собеседников монарха – любезно согласились епископ Псковский Феофан Прокопович и епископ Тверской Феофилакт Лопатинский.

Таким образом, к исходу первого дня все заинтересованные лица приготовились ко второму акту драмы. Однако обе коалиции слишком рано поспешили вывести за скобки Петра Великого. Царь едва не спутал размежевавшимся «птенцам» все карты в ночь со вторника на среду. Под утро 27 января температура, которая с полудня 26-го числа была не очень высокой и позволяла императору общаться с соратниками (с Ф.М. Апраксиным, например) и отдавать распоряжения, внезапно подскочила, и Петр впал в беспамятство. В бреду он поднялся с кровати и шагнул к окнам, дабы то ли открыть, то ли поплотнее затворить створки. Обморок прервал движение.

Очнувшись, государь вдруг потребовал принести перо и бумагу. У тех, кто оказался в тот миг в Конторке или поблизости, екнуло сердце. Не дай бог, напишет завещание и нарушит хрупкое равновесие! Затрепетали все – и поклонники великого князя, и активисты екатерининской группы. Но просьбу уважили. Дрожащей рукой Петр начертил буквы. Никто фразу не разобрал, и, скорее всего, в каракулях не читался даже намек на testament, ибо о них быстро забыли. Это спустя годы Бассевич придумает красивую формулу («Отдайте все...») и добавит: Анне Петровне. А на рассвете 27 января 1725 года фантазия у немца еще не разгулялась: судя по всему, он лишь посетовал австрийскому дипломату Гогенгольцу на неудачную попытку царя «в двух словах... письменно» обозначить имя преемника. О том, кого конкретно обидела Фортуна, речь не шла. Голштинский министр, разумеется, мечтал послужить императрице Анне, а не Екатерине. Что ж, не судьба. Император о старшей дочери, как выяснилось, и не помышлял. Во всяком случае, ни знаком, ни жестом не попробовал донести до окружающих последнюю волю. Силы и время для этого у него еще оставались[7].

Только в два часа пополудни 27 января «государь весьма оскудевать и к кончине приближаться начал». К нему сразу же впустили попрощаться родных, друзей, подчиненных. Сим удобным поводом не преминули воспользоваться сподвижники Екатерины. В веренице скорбящих к постели императора подошли с десятков гвардии штаб-офицеров. Отдав дань Отцу Отечества, гвардейцы, ведомые старшим командиром – преображенским подполковником А.Д. Меншиковым, отправились выразить сочувствие подруге жизни великого человека (та на период церемонии прощания, похоже, вышла из Конторки в соседние комнаты). А царица не ограничилась благодарностью за визит вежливости. Она напомнила гостям, «что... сделала для них, как заботилась об них во время походов, и что... ожидает, что они» не покинут госпожу «в несчастьи».

Офицеры, воодушевленные яркой речью, тут же присягнули ей на верность и поклялись добиться провозглашения императрицей. Далее подполковник Меншиков проинструктировал подопечных, как действовать на расширенном заседании Сената: погромче кричать, похлеще браниться, почаще угрожать, в общем, создавать нервную атмосферу в зале. Тогда же или позднее императрица повелела заместителю Данилыча, подполковнику И.И. Бутурлину, и дежурному по Преображенскому полку майору А.И. Ушакову после смерти мужа под барабанную дробь привести из казарм к Зимнему дворцу сводную роту преображенцев[8].

На этом второй акт и подготовка в целом к центральному событию закончились. Все приказы были отданы, роли – распределены, реплики – заучены. Партия великого князя уже более суток пассивно ожидала часа «Х». Их антагонисты лишь теперь получили возможность чуть-чуть расслабиться в течение ближайшей последней для Петра Великого ночи с 27 на 28 января.

* * *

Простившись с семьей и соратниками, император четырнадцать часов пролежал в забытьи, не произнося ни слова. «Безпрестанно стонал и руку правою... на сторону метал». Левую давно разбил паралич. Он успел еще раз причаститься, прежде чем в четвертом часу ночи 28 января «оледеневать почал». Феофилакт Лопатинский, наклонившись к уху царя, принялся читать «благочестивые увещания» и обычные молитвы. В пятом часу стоны прекратились, затем пресеклось дыхание... Очень долго все стояли, будто замороженные, в глубокой тишине. Но вот в пять часов с четвертью врачи констатировали смерть, и комнату пронзил страшный возглас потерявшей сознание царицы. Всклипывая и утирая слезы с глаз, сановники вышли из Конторки в приемный покой, откуда не спеша поплелись, очевидно, в Наугольную палату второго этажа с видом на Неву и прачечные корпуса через канал.

Обер-гофмейстер Матвей Дмитриевич Олсуфьев в то утро не вытерпел, забежал в дом Дворцовой канцелярии (смежный с востока с Зимним дворцом) и продиктовал дежурному секретарю, записавшему в журнал протоколов: «Против 28 числа пополудни в первой четверти 6 часа по воле Всемогущаго Господа Бога всепресветлейший, державнейший Петр Великий император и самодержец всероссийский, Отец Отечества, государь всемилостивейший чрез двенадцатидневную жестокою болезнью от сего временнаго в вечное блаженство отиде. О сем приказал записать обер-гофмейстер господин Алсуфьев»[9].

Пока царица рыдала у тела почившего мужа, неподалеку от Конторки, в просторном зале постепенно собрались члены правительства и генералитет Российской империи. Сенаторы – А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, А.И. Репнин, П.А. Толстой, Г.И. Головкин, Я.В. Брюс, И.А. Мусин-Пушкин, В.Л. Долгоруков, Д.М. Голицын – усадились за стол. Возле них разместились главы коллегий, канцелярий, несколько иерархов церкви, герцог Голштинский со свитой. В углу на стульях расположились генералы, в том числе и гвардии подполковник (армии бригадир) И.И. Бутурлин, гвардии майоры (армии полковники) А.И. Ушаков, Г.Д. Юсупов, И.И. Дмитриев-Мамонов, И.М. Лихарев, возможно (если не уезжали из Петербурга), М.А. Матюшкин, С.А. Салтыков, В.Д. Корчмин и М.Я. Волков. По-видимому, прежде чем пройти в зал, Ушаков по приказу Бутурлина отослал в полк ордер следующего содержания: «Нарядить сего часу на караул с полку сержантов – 2, каптенармусов – 2, капралов – 6, солдат со всех рот – по осми человек, от гранодерской – 16. А збирались бы у Почтового двора. А с ним будет на караул капитан [Василий] Нейбуш, капитан-лейтенант [Степан] Юрьев, лейтенант [Семен] Кишкин, ундер-лейтенант [Михаил] Крефт, фендрих [Василий] Нелюбохтин»[10].

Заседание началось приблизительно в половине шестого утра. Председательствовал Ф.М. Апраксин. Вообще-то, многие полагали, что совещание – пустая формальность: Петра Алексеевича провозгласят императором, Екатерину – регентшей, и все разойдутся по домам. Но тут пожелал высказаться граф Толстой. Ни с того ни с сего Петр Андреевич подверг жесточайшей критике схему, им же предложенную полтора дня назад. Как гром посреди ясного неба зазвучали слова семидесятилетнего старика: «Такое распоряжение (учреждение регентства. – К.П.) ... вызовет то бедствие, которого желают избежать, потому что в России не существует закона, определяющего время совершеннолетия царей. В ней царь, будучи неограниченным и самодержавным властелином, берет бразды правления в свои руки в самую минуту смерти своего отца. Если вздумают провозглашением великого князя царем установить как бы двойственную власть (Петр – император; Екатерина – правительница. – К.П.), то часть вельмож и большинство невежественного народа непременно возьмут его сторону, и тогда законы и Сенат, который под твердою властью государя служит надежнейшим оплотом оных, будут скоро попорчены, ибо люди ослепленные корыстолюбием или жаждущие перемены власти, опасности коей не понимают, неизбежно начнут устраивать заговоры и всяческие смуты.

В том положении, в каком находится Российская империя, ей нужен властелин мужественный, опытный в делах, способный крепостью своей власти поддержать честь и славу, окружающие империю, благодаря неусыпным трудам покойного царя, и в то же время разумным и просвещенным милосердием сделать народ счастливым и преданным правительству. Все эти качества соединяются в царице, которая научилась искусству править государством от своего супруга, всегда доверявшего ей самые важные тайны, на деле несомненным образом доказала и героизм свой, и великодушие, и преданность русскому народу, и, наконец, сделала очень много добра, и в общественных делах, и частным людям. А зла не делала еще никогда и никому.

Впрочем, оставляя в стороне все прочие доводы, торжественное коронование царицы, присяга, принесенная ей по этому случаю всеми подданными и всенародно произнесенная им перед этим событием слова царя неоспоримо доказывают волю покойного монарха и обязанность народа повиноваться ей»[11].

Репнин, Долгоруков, Голицын, Мусин-Пушкин слушали главу Тайной канцелярии и не верили своим ушам. Толстой публично разрывал джентльменское соглашение, которое обе партии заключили днем во вторник. Претензии оратор очертил вполне отчетливо: регентство – институт ненадежный; монарх должен обладать всей полнотой власти; сын царевича Алексея слишком мал для самостоятельного управления страной; остается Екатерина, которую и надлежит объявить императрицей; правовое основание для этого – акт коронации в мае прошлого года, как ясно выраженное намерение Петра Великого завещать ей государство и корону.

Обманутые защитники великого князя, пережив огромной силы удар, не растерялись. Отмобилизовались на ходу и контратаковали в самое уязвимое звено цепи рассуждений Толстого: государь ни словесно, ни письменно преемника не назвал, а коронацию приравнивать к завещанию нельзя, ибо мотивы возложения на чело Екатерины венца можно толковать по-разному. К тому же во многих европейских государствах короли коронуют своих жен, но это не дает дамам право претендовать на трон. У союзников царицы с речью Толстого запас разумных доводов, способных опрокинуть железную логику покровителей юного тезки императора, иссяк. Час выкладывать на стол козырную карту еще не пробил. И тогда А.Д. Меншиков произнес довольно двусмысленную фразу: «Я убью каждого, кто посмеет противиться распоряжению покойного императора!»

В то же мгновение сидевшие позади майоры гвардии – и преображенцы, и семеновцы – громкими выкриками поддержали командира: Петр Великий выбрал в преемники Екатерину; ее надо без проволочек провозгласить императрицей. Лозунги перемежались с оскорблениями и угрозами «разбить головы всем старым боярам». А.И. Ушаков не постеснялся обнародовать фамилию первой потенциальной жертвы – канцлера Головкина. Вероятно, за попытку усовестить не в меру буйных гвардейцев брат генерал-адмирала Петр Матвеевич Апраксин удостоился таких «особо теплых» эпитетов, что пожилой президент Коммерц-коллегии через сутки, 29 января, слег.

Конечно, напускная бравада штаб-офицеров никого не испугала. Сотрясение воздуха ненормативной лексикой – дисциплинарный проступок. За него далее гауптвахты не сошлют. Напротив, реальное смертоубийство, отягощенное политикой, – серьезное преступление, за которое нижестоящий по чину, посягнувший на жизнь вышестоящего, рано или поздно ответит перед военным судом. Репнин, Долгоруков, Голицын, Мусин-Пушкин, Петр Апраксин это хорошо понимали. Сделать их более сговорчивыми подобные упражнения голосовых связок не могли, а вот рассердить, разозлить сиятельных особ «праздник» офицерского непослушания должен был. И чем сильнее гвардейцы накалят атмосферу, тем лучше. Ведь гнев – плохое подспорье в обстоятельствах, требующих принятия быстрых и взвешенных решений.

Увы, оппоненты Екатерины не справились с эмоциями, втянулись в словесную перепалку и тем самым угодили в искусно приготовленную для них ловушку. Сдержанная полемика стре-

нительно переросла в жесткие пререкания на повышенных тонах. Здравые идеи все реже и реже звучали в славном собрании. Чаше взаимные обвинения и упреки. В разгар препирательств Г.И. Головкин призвал разругавшихся коллег обратиться за советом к народу: пусть земский собор сословий определит, кому царствовать – Петру или Екатерине. Мнение канцлера, естественно, проигнорировали[12]. Между тем Петр Андреевич Толстой внимательно наблюдал за тем, как протекала дискуссия. Поблизости молча взирает на раскрасневшихся, бестолково жестикулирующих вельмож Феофан Прокопович. Епископ поминутно поглядывал на сенатора, как бы спрашивая: не пора ли? Но тот с подачей условного знака медлил: господа «бояре» еще не созрели, нужно ждать.

* * *

Примерно через четверть часа после открытия прений за стены дворца просочилась информация, повергшая многих, в первую очередь дипкорпус, в шок: провозглашение великого князя императором сорвано сторонниками Екатерины, желающими передать царице всю полноту власти. Империя на грани гражданской войны!!!

В посольствах сразу же закипела работа. Посланникам не терпелось поскорее сообщить сенсационную новость Европе. Впрочем, сперва им предстояло отыскать лазейку для проникновения курьеров за черту города: выезд из столицы давно запрещен, проскочить мимо солдатских пикетов можно исключительно по знакомству или за мзду. По счастью, шведский посол Герман Цедеркрейц дружил с кем-то из тех, кто командовал караулами на границах Петербурга. Барон любезно согласился помочь товарищу по профессии из Франции. Жак Кампредон, не мешкая, взялся за перо: «С-Петербург. 8 февраля 1725. 6 часов утра.

Ваше Сиятельство!

Из дубликата прилагаемого письма Вы увидите, в каком состоянии находилась болезнь царя вчера, когда я имел честь писать Вам. Сегодня, около пяти часов утра, монарх этот скончался после припадков жесточайших судорог. Сколько мне до сих пор известно, он не сделал никаких распоряжений. Сенат, находящийся в настоящую минуту в полном составе во дворце, разделен на две партии. Одна, горячо поддерживающая интересы царицы, хочет провозгласить ее правительницей, в качестве императрицы, никого не назначая ей заранее в наследники. Другая настаивает на провозглашении императором великого князя, внука царя, под совместным регентством царицы и Сената. Если первая из этих партий возьмет верх, то надо ждать междоусобной войны, последствия коей могут быть губительны для многих, в особенности для иностранцев. Но, вероятно, восторжествует вторая партия, как более разумная и справедливая. Всем находящимся в окрестностях Петербурга полкам уже послан приказ собраться сюда. Не могу сказать ничего более В[ашему] С[иятельству], как потому, что меня торопит шведский посланник, спеша поскорее отправить своего человека в Швецию, так и потому, что я не знаю наверное, попадет ли к Вам это письмо. Посылаю его на всякий случай, дабы хоть вкратце известить В[аше] С[иятельство] о том, что здесь происходит. Буду иметь честь послать курьера тотчас, как вновь откроются заставы, теперь повсеместно запертые. Если узнаю что-нибудь, куда шифруют это письмо, извещу в приписке.

Имею честь...»

Больше часа секретарь переводил депешу с нормального языка на криптографический. Когда тяжкий труд близился к финалу, от патрона принесли листок бумаги с постскриптумом: «Сейчас получил уведомление, что восторжествует, кажется, партия царицы»[13]. Лаконичное дополнение француза красноречиво свидетельствовало: тщательно продуманный план Толстого и Елизаветы либо близок к кульминации, либо уже увенчался успехом.

* * *

Заканчивался второй час внеочередного заседания Сената в расширенном составе. Страсти в зале Зимнего дворца разгорелись нешуточные. Сановникам, расколовшимся на две группы, никак не удавалось найти точки соприкосновения. Фракция Екатерины упрямо не хотела поступаться ничем из программных тезисов Толстого. Однако ей не хватало аргументов, чтобы сломить упорное сопротивление приверженцев великого князя. А Репнин с единомышленниками не имел морального права покориться грубому нажиму и капитулировать без какого-либо приобретения в копилку Петра Алексеевича. До рукопашной дело пока не доходило, хотя патовая ситуация грозила вот-вот вылиться в позорную потасовку...

И вдруг за окном загрохотали барабаны: по набережной Невы двигались войска. Споры тотчас прекратились, и все на секунду-другую замерли. Тягостную тишину прервал возмущенный голос Репнина: «Что это значит? Кто осмелился давать подобные приказания помимо меня? Разве я более не главный начальник полков?» Президенту Военной коллегии ответил Иван Бутурлин: «Это приказано мною, без всякого, впрочем, притязания на Ваши права. Я имел на то повеление императрицы, моей всемилостивейшей государыни, которой всякий верноподданный обязан повиноваться».

Диалог процитирован по мемуарам Бассевича, который, как обычно, приукрасил правду и сгустил краски. На сей раз он умолчал о второй части реплики подполковника. Штаб-офицер, конечно же, сообщил князю, что по Верхней набережной маршируют не преторианцы, идущие менять власть, а сводная рота Преображенского полка во главе с капитаном Василием Нейбушем в подкрепление семеновцам, охраняющим Зимний дворец. Удвоение караулов – мероприятие заурядное, хотя и не частое. Оно не требует санкции коллегии. Достаточно пожелания хозяина дворца, которым в данный момент является царица.

Эпизод с колонной солдат, вероятно, и послужил Толстому индикатором душевного состояния оппонентов. «Боярам» удалось взвинтить нервы до предела. Чувство реальности соперником, опасющимся силовой акции, практически утрачено, восприятие событий – явно неадекватное. Самое время наносить главный удар! Петр Андреевич подал условный сигнал Феофану Прокоповичу. Епископ Псковский поднялся и попросил у собравшихся немного внимания.

Начал священник издалека, со всенародной присяги февральскому закону 1722 года. Затем вспомнил о прошлогодней коронации Екатерины и как бы невзначай, мимоходом заметил, что доказательство существования у Петра Великого намерения провозгласить жену преемницей есть. Накануне персидской эпопеи государь признался как-то в приватной беседе, что хочет короновать супругу, дабы «еще бы каким случаем его не стало, праздный престол тако без наследника не остался бы, и всякая вина мятежей и смущений благовременнее пресечена быть могла бы». И, слава Богу, не один он, Феофан Прокопович, на той встрече присутствовал. Среди участников нынешних споров сидят еще пять свидетелей высочайших откровений. Пусть они по совести скажут, лжет он или не лжет[14].

Наверное, первым факт беседы подтвердил Феофилакт Лопатинский. За ним эстафету поддержали светские особы. Последним или предпоследним исповедался канцлер. Головкин сыграл, как по нотам. Никто не заподозрил инсценировки. Искренность Гавриила Ивановича потрясла и сразила наповал его товарищей. Им нечем было крыть брошенную конкурентами на стол козырную карту. Возможно, на свежую голову Аникита Иванович Репнин, Василий Лукич Долгоруков, Дмитрий Михайлович Голицын, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, Петр Матвеевич Апраксин разглядели бы, что карта легла крапленая. Да, по прошествии двухчасовых, искусственно разогреваемых жарких дебатов, крика и брани измотанные борьбой их сиятельства едва владели собой и плохо ориентировались в ситуации.

Первым смирился с поражением и согласился с ультиматумом Толстого фельдмаршал Репнин. Вторым белый флаг выкинул Головкин. Далее пошла цепная реакция безоговорочных капитуляций. Когда все сторонники великого князя одобрили кандидатуру Екатерины, председательствующий Ф.М. Апраксин подозвал А.В. Макарова и чисто формально поинтересовался у него, не оставил ли покойный император письменного завещания. Кабинет-секретарь официально успокоил уважаемое собрание: никакого завещания нет. Тогда генерал-адмирал привстал и от имени всех высших чинов империи подвел черту под двухчасовой дискуссией: «В силу коронования царицы и присяги принесенной ей всеми сословиями империи Сенат провозглашает ее законной государыней, императрицею всея России, самодержавной и неограниченной властительницею, как царь, супруг ея».

Для порядка Макаров огласил тексты закона о престолонаследии 1722 года и упомянутой Апраксиным присяги. Затем во время короткого перерыва сенатские чиновники подготовили проект манифеста: «Ведомо да будет всем, что по воле всемогущего Господа Бога... Петр Великий... чрез двенадцатидневную жестокую болезнь от сего временного жития в вечное блаженство отъиде. А о наследствии престола Российского не токмо единым Его Императорского Величества... манифестом февраля 5 дня прошлого 1722 года в народ объявлено, но и присягою подтвердили все чины государства Российского, дабы быть наследником тому, кто по воле императорской будет избран. А понеже в 1724 году удостоил короною и помазанием любезнейшую свою супругу... императрицу Екатерину Алексеевну за ея к Российскому государству мужественные труды, как о том объявлено в народе печатным указом прошлого 1723 года ноября 15 числа: того для Святейший Синод и Высокоправительствующий Сенат и генералитет согласно приказали: во всенародное известие объявить печатными листами, дабы все, как духовного, так воинского и гражданского всякого чина и достоинства люди о том ведали и ей всепресветлейшей... императрице Екатерине Алексеевне... верно служили».

Документ подписали все, после чего предводительствуемые генералом-адмиралом участники заседания зашагали к Конторке царя, где императрица оплакивала мужа. Стрелки на циферблате показывали восемь часов утра 28 января 1725 года[15].

* * *

Екатерина встретила депутацию в смежном с Конторкой покое в окружении М.Д. Олсуфьева и А.Л. Нарышкина. Вельможи выразили царице соболезнование, после чего Апраксин, преклонив вместе со всеми колена, протянул ей единогласно одобренный манифест и произнес клятву верности новой государыне. Потом императрица пожаловала вельмож – и друзей, и противников – к руке. Короткая церемония «инаугурации» завершилась под громовое: «Да здравствует наша императрица Екатерина Алексеевна!»

Затем А.И. Ушаков помчался в казармы Преображенского полка, И.М. Лихарев (тоже дежурный майор) – на квартиры Семеновского полка, чтобы известить солдат и обер-офицеров о кончине царя и восшествии на трон его супруги. И.И. Дмитриева-Мамонова в тот же день командировали в Москву, приводить к присяге жителей Белокаменной. А Бассевич в это время рассказывал иноземным послам Мардефельду, Вестфалену, Цедеркрейцу и Кампредону подробности исторического заседания Сената.

Екатерина по заслугам наградила каждого из тех, кто способствовал ее триумфу. Ушаков и Юсупов пополнили ряды сенаторов. Ягужинский и Головкин сохранили за собой прежние посты и прямой доступ к монархине. Заметно укрепились позиции герцога Голштинского и правой руки немецкого князя – незаменимого Бассевича. Сильно вырос кредит Меншикова. Однако не до той степени, какая наблюдалась в молодые годы Петра Великого. Третья строчка в перечне наиболее влиятельных лиц – максимальный результат, превзойти который светлейший князь имел мало шансов. Его потеснил П.А. Толстой, сблизившийся с императрицей в период

распоряжения коронационными торжествами 1724 года. Авторитет тайного советника после событий 26—28 января достиг недостижимых для других высот. Императрица отныне всегда совещалась с ним и почти ничего не скрывала от него. Мнение графа для нее звучало, как истина в предпоследней инстанции.

Кто же изредка накладывал вето на рекомендации министра и, соответственно, возглавлял список конфиденентов? Тот, с кем Петр Андреевич тягаться поостерегся бы, – цесаревна Елизавета Петровна. Именно она больше кого-либо выиграла от победы матери. За три январских дня 1725 года препятствие в лице девятилетнего племянника, стоявшее на пути пятнадцатилетней девицы, соратники матушки отодвинули в сторону и тем самым расчистили ей дорогу к власти. Пока о планах принцессы не знает даже мать, озабоченная поиском выгодного жениха для любимицы. Но через пять месяцев все решительным образом изменится. Впрочем, нет. Уже в первые дни нового царствования нашелся человек, верно оценивший потенциал петербургской красавицы. 2 (13) февраля 1725 года А. Мардефельд доносил прусскому королю: «Что касается брака со второй дочерью царя Елисаветой Петровной, то могут Ваше Величество быть уверенными, что ее охотно выдадут за Его Высочество маркграфа Карла только под тем условием, что она сделается владетельной герцогиней Курляндской. Ибо не отдадут за младшего сына такой прекрасной и умной великой княжны, любимицы императрицы. Теперь значение и вес великой княжны намного возросло, так как она на дороге в будущем сделаться императрицею»[16].

1727 год. Дебют цесаревны

В 1727 году Россия пережила несколько политических кризисов – арест и осуждение П.А. Толстого и А.М. Девизера, смерть императрицы Екатерины I и воцарение государя-отрока Петра II, опалу и изгнание из Петербурга А.Д. Меншикова, всесильного временщика при юном императоре. В общественном сознании давно уже укоренился миф о наглom и беспринципном светлейшем князе, полгода манипулировавшем то императрицей Екатериной, то ее преемником – Петром II. Данилыч навязал царице обручение собственной дочери с великим князем – престолонаследником, безжалостно расправился с оппонентами, сочувствующими цесаревнам Анне и Елизавете, высокомерно, подчас грубо обращался с сановниками и даже с мальчиком-императором. Таким запомнился потомкам «полудержавный властелин» в час своего наивысшего взлета, благодаря все тем же мемуарам Миниха, лже-Вильбуа, а также Христофора Манштейна.

В который раз в исторической науке одержал верх принцип подстраивания сведений из первоисточников под традиционную, полюбившуюся историкам концепцию, а не перекрестный анализ всех документов ради выяснения подлинной картины событий. В результате причиной крушения Меншикова оказались его продолжительная болезнь вкупе с коварным заговором А.И. Остермана и семьи А.Г. Долгорукова. Однако аккуратное и скрупулезное изучение материалов разного характера (дипломатическая и частная переписка, фонды Придворного ведомства, Верховного Тайного Совета, Тайной канцелярии и т.д.), как опубликованных за прошедшие двести лет, так и вновь выявленных, вынуждает иначе посмотреть на хронику того примечательного года, да и на персону, вызвавшую высокое политическое напряжение.

* * *

В седьмом часу вечера 23 ноября 1724 года под окнами императорского Зимнего дворца в Санкт-Петербурге зазвучала инструментальная музыка. На дворе давно уже стемнело. Поэтому оркестр Карла-Фридриха Голштинского играл в окружении факельщиков из свиты герцога. Концерт давался по случаю наступающего дня тезоименитства императрицы Екатерины Алексеевны. Формально. А фактически красивые мелодии предназначались для будущей невесты немецкого принца, царевны Анны Петровны, которая в те минуты вместе с сестрой Елизаветой стояла возле окна в одной из комнат на втором этаже.

Обе девушки «со вниманием слушали» исполнение различных композиций и размышляли каждая о чем-то своем. Не без трепета они так долго ждали, кого из них родители благословят на брак первой. Особенно волновалась вторая царская дочь. Ведь все ясно видели, что кандидат в женихи отдаст предпочтение именно ей. И вот дилемма разрешилась. На днях отец и мать объявили, что герцогиней Голштинской станет старшая Анна. Младшая Елизавета искренне порадовалась за нее и с облегчением вздохнула. Она вовсе не хотела идти замуж ни за владетельного князя из Германии, более трех лет гостившего в России, ни за юного французского короля, о сочетании с коим настойчиво хлопотали батюшка с матушкой.

К счастью, в Версале инициативу русского императора встретили прохладно. Там, кажется, намеревались породниться с испанской ветвью Бурбонов. И слава Богу! Цесаревне уклончивость французов – только на руку. Конечно, грандиозный план Петра Великого без семейных уз с Людовиком XV в значительной степени терял привлекательность. Однако любимая дочь великого монарха накануне пятнадцатилетия грезилась не об амурном романе с кем-либо из заморских государей или принцев, а о российской короне. Девушка не осмеливалась прямо признаться отцу в этом, ибо тот активного участия женщин в политике, мягко говоря,

не одобрял. На дочерей он смотрел как на эффективное средство укрепления международного престижа и влияния российского государства. Искать себе преемника среди царевен глава рода Романовых не собирался. Анну августейший преобразователь мечтал когда-нибудь титуловать шведской королевой, воспринимая Голштинию в качестве промежуточной остановки на главном пути (19 ноября 1723 года шведский риксдаг вотировал закон о передаче скипетра после короля Фридриха I Гессенского Карлу-Фридриху Голштинскому). Шестилетнюю Наталью думал пристроить в Мадриде. Благо испанский король Филипп V обратился к нему с просьбой о помолвке сына, принца Астурийского Фердинанда, с малышкой.

Если Петр I считал вполне приемлемым обвенчать старшую и младшую дочь с наследниками европейских монархов, то для обожаемой им и супругой Елизаветы требовался жених посолондней. Непременно король, и лучше король французский. Поэтому, когда из Версаля прислали предложение столкнуться на кандидатуре регента, герцога Бурбонского, царь под благовидным предлогом «забраковал» нового претендента. В итоге двухсторонние консультации на сию деликатную тему зашли в тупик к огромному удовлетворению честолюбивой русской принцессы.

Итак, 22 ноября 1724 года А.И. Остерман назвал герцогу Голштинскому имя невесты. Вечером в понедельник 23-го император пригласил без пяти минут зятя отобедать у него во вторник по-семейному. Спустя сутки, во время трапезы церемония обручения свершилась. В тот же день Анна Петровна, подписав брачный контракт, отеклась за себя и детей «от всех... притязаний... на корону и Империум Всероссийский». Правда, в первом секретном артикуле документа тесть оговорил для себя право взять одного из сыновей молодой четы для провозглашения «сукцессором» (т.е. наследником). Таким ненадежным способом Отец Отечества пытался спасти реформы от реставрационных поползновений, ибо остерегался доверить скипетр малолетнему тезке, отпрыску замученного в застенке царевича Алексея Петровича[1].

Петр Великий даже не подозревал о том, что ищет защитника новому прозападному курсу не там, где нужно. В тщетной погоне за наследником-мальчиком царь не заметил, как подле него выросла достойная смена, которая обладала единственным недостатком – принадлежностью к женскому полу. Потому отец и проигнорировал ее. Хотя, как известно, для процесса управления неважно, кто – дама или кавалер, миляга или уродина – решает какую-либо проблему. Главное, чтобы этот человек умел предусмотреть все возможные варианты и выбрать из них оптимальный. Между тем Елизавету Петровну отличал удивительный, уникальный талант обнаруживать максимальное число потенциальных политических ходов, быстро анализировать перспективы каждого и точно определять самый выгодный и реалистичный. В принципе, император мог бы позавидовать прозорливости и проницательности дочери. Но, увы, когда в январе 1725 года герой Полтавы и Гангута умирал, он просто не знал, кому завещать великую державу. Ни на внука-отрока, ни на жену, ни на старшую, ни на среднюю, ни тем паче на младшую дочь Петр написать testament не рискнул. По-видимому, государь всецело положился на русский авось: как Господь рассудит, так пусть и будет! Содействовать собственным авторитетом торжеству меньшего из трех зол основатель империи не пожелал. А Всевышний, как вскоре выяснилось, больше симпатизировал Екатерине.

* * *

Первые практические уроки управления государством Елизавета Петровна получила сразу после восшествия матери на престол 28 января 1725 года. Нет, естественно, никто не приглашал юную цесаревну посетить заседания Сената, аудиенции министров у государыни или совещания в коллегиях и в канцеляриях. Ей помог случай. Екатерина была неграмотной. А без подписи императрицы ни один указ не вступил бы в силу. Неординарное препятствие преодолели легко. Самодержица поручила данную миссию «сердцу моему» (так начинались

все продиктованные царицей письма, адресованные милой Лизаньке). В результате за два года царствования жены Петра Великого сотни распоряжений, законов и патентов прошли через руки молодой барышни. По крайней мере, принцесса имела шанс читать, изучать, сравнивать документацию, а, скорее всего, в качестве секретаря часто, если не постоянно, присутствовала на докладах министров у монархини, слушая их, и тут же на апробированных бумагах выводила пером имя матушки (заочные санкции при такой системе недопустимы).

Впрочем, завсегда таи царского кабинета относились к казусу с девицей, исполняющей обязанности августейшего автографа, как к досадному недоразумению. Ни А.Д. Меншиков, ни А.В. Макаров, ни Д.М. Голицын, ни П.И. Ягужинский не разглядели в девушке задатки серьезного политика[2]. Мать, разумеется, тоже. Она, между прочим, по-прежнему заботилась о том, как бы удачно просватать любимицу. В марте 1725 года до Петербурга докатилась весть о срыве брака французского короля с испанской инфантой. Императрица немедленно возобновила агитацию французской стороны. 31 марта Меншиков напомнил послу Кампредону о блестящей партии для Людовика XV – принцессе Елизавете. Чуть позднее, в апреле, к секретным переговорам подключился герцог Голштинский, расхваливая от имени государыни выгодный для Франции брачный проект.

Екатерина ради счастья Лизы не стеснялась обещать слишком много – войска, субсидии, польскую корону для герцога Бурбонского в паре с Марией Лещинской (кстати, царица не забывала и об интересах старшей дочери, обвенчавшейся 21 мая с Карлом-Фридрихом; Россия не шутила, когда грозила Дании войной, если та не вернет Голштинии аннексированный Шлезвиг). Однако французы и на сей раз пренебрегли заманчивыми условиями. 10 июня курьер привез из Парижа реляцию Б.И. Куракина от 14 (25) мая, которую в тот же день зачитали Екатерине: «Дук де Бурбон и бискуп Фрежус всякими образами старались короля склонить к супружеству с принцессою Станислава, а, наконец, ныне по многим трудностям короля к тому склонили и третьего дня, призвав нунциуса, ему о намерении и подлинном королевском объявили, и что сочетания брака будущего сентября имеет быть. И при том его нунциуса просили, дабы о том дал знать Папе». 17 июня царице доложили об обнародовании 16 (27) мая в Версале официальной декларации Людовика «о своем супружестве» с Марией Лещинской. Так вопрос о породнении Романовых с потомками Капетингов закрылся сам собой[3].

Императрица хотя и огорчилась, но не унывала. Ведь за руку прелестной цесаревны уже соревновались прусский двор с испанским (кончина в марте 1725 года Натальи Петровны вынудила отца принца Астурийского заняться поиском новой невесты). А кроме того, носился слух, что и английский король не прочь ходатайствовать за собственного сына перед очаровательной дочкой русского царя. В общем, Елизавета Петровна в июне 1725 года попала в довольно затруднительную ситуацию. Мать не сегодня, так завтра поставит перед ней вопрос о замужестве ребром, и великой княжне придется либо готовиться к свадьбе и путешествию в далекие земли, либо...

Неожиданно в июле пересуды о женихах стихли. Все кандидатуры были вежливо отклонены. Истинную причину отказа государыня предпочла не афишировать. Но один очень ловкий иностранец, покинувший Петербург 24 июня или 5 июля (по ст. стилю), ухитрился приподнять завесу над тайной, а французская разведка в Стокгольме – перехватить его партикулярное письмо из Нарвы от 11 июля (скорее всего, по новому стилю). Вот что сообщал шведскому корреспонденту незнакомец: «...я видел у приятеля (одного из русских сенаторов)... полученные им достоверные сведения насчет одного хода, замышляемого царицею с целью подкупить расположение народа, чтобы потом выиграть у него самую большую ставку. Она знает, что у царевича есть друзья и очень влиятельные сторонники, которые не успокоятся, пока не увидят его на принадлежащем ему по праву престоле, хотя бы им пришлось своей кровью заплатить за это. Царица всячески постарается избежать этой крайности, но в случае надобности она, чтоб сохранить за собою положение правительницы, торжественно провозгласит юного князя

своим наследником. Она думает успокоить этим своих врагов, а тем временем найти средство отделаться от находящегося в ее руках наследника и передать престол младшей принцессе, дочери своей, выдав ее замуж за кого-нибудь из самых знатных русских вельмож»[4].

Не правда ли, поразительная метаморфоза случилась с Екатериной Алексеевной? В апреле она сулит золотые горы французским дипломатам, лишь бы король не отверг Лизаньки. В июне картина кардинально меняется. Лизанька должна соединиться с кем-то из соотечественников. И главное: принцессе достанется в приданое корона Российской империи. Мы, конечно, вправе по примеру версальских политиков отмахнуться от похожих на придворную сплетню утверждений. Да, не стоит торопиться с этим. Минует лето. Пролетит часть осени, и в Зимнем дворце исподволь приступят к реализации необычного плана.

Так что же побудило государыню внезапно покончить с вариантом брака, предполагающим отъезд цесаревны за границу, и ни с того ни с сего увлечься идеей возведения ее на престол, невзирая на сочувствие нации к Петру, внуку царя-реформатора? На мой взгляд, ответ лежит на поверхности: Елизавета Петровна в те июньские дни чистосердечно рассказала матери о том, в чем побоялась признаться отцу: о страстном желании стать русской императрицей. И вдова Петра Великого поняла родную дочь. Мало того, поддержала Лизаньку и словом, и делом, до конца исполнив взятое на себя обязательство. Однако опора исключительно на мать не гарантировала успех. Юная дебютантка сознавала, что всеобщее почитание десятилетнего Петра – мощный противовес закону от 5 февраля 1722 года, разрешающему монарху по своему усмотрению назначать преемника. Как нейтрализовать или подчинить народное волеизъявление заветной цели принцессы? Девушка хорошенько обдумала на досуге проблему и выявила всего две не идеальных, но и не утопичных программы действий.

О первой обмолвился еще австриец Стефан Кинский в 1722 году. Цесаревна выходит замуж за Петра Алексеевича, после чего императрица провозглашает дочь наследницей, а юный великий князь становится принцем-консортом (мужем женщины, возглавляющей государство). Многие приверженцы Петра наверняка возропшут. Но здравомыслящее большинство примет компромисс, у которого один существенный минус – близкое родство жениха и невесты. Петр – родной племянник Елизаветы. Если традиция и протест духовенства одолеют в общественном мнении политическую целесообразность, ничего не получится. Тем не менее попытка не пытка. Надо попробовать.

Запасной, второй и более тернистый путь: Елизавета обвенчается с отпрыском влиятельного российского рода или с сыном какого-нибудь государя из Голштинского дома, который по приезде в Россию перейдет в православие. Во-первых, замужняя дама на троне – это всегда лучше, чем «зеленая» девица. Во-вторых, новая родня, безусловно, примкнет к партии честолюбивой невестки. Затем Екатерина отправит юного соперника в заграничное турне, учиться наукам, и лишь тогда ошеломит нацию манифестом о провозглашении дочери Петра будущей императрицей. Возмутятся, бесспорно, очень многие. Но отсутствие в стране их кумира, которому преданные люди помешают вовремя возвратиться, и абсолютная законность мероприятия заставят недовольных постепенно приумолкнуть. Ну а дальше Елизавете придется изрядно потрудиться, дабы убедить всех в том, что они напрасно сопротивлялись.

В тактическом плане, судя по всему, мать и дочь договорились, во-первых, по возможности никого не посвящать в суть дела. Во-вторых, Екатерина согласилась с тем, что никто не должен даже заподозрить в принцессе главного инициатора дерзкой акции. Пусть окружающие считают брачные коллизии и сам акт провозглашения блажью чадолюбивой императрицы. Тогда Елизавета сохранит свободу маневра, а в случае поражения сумеет избежать мести сторонников племянника.

* * *

Прежде чем испрашивать у иерархов православной церкви дозволение на запретную свадьбу, надлежало навести в духовном ведомстве мало-мальский порядок, так как фактический президент учреждения Феодосий Яновский (12 мая лишенный сана архиепископа Новгородского и Великолуцкого) с 27 апреля сидел под арестом «за... злоковарное воровство... (говаривал злохулительные слова про Их Императорское Величество и мыслил... некоторой злой умысел на российское государство)». Царица занялась кадровой реорганизацией Синода 25 июня. Феофан Прокопович возглавил Новгородскую епархию и российское духовенство, уступив место во Пскове епископу Тверскому Феофилакту Лопатинскому. Однако оба вдруг обратились к императрице с просьбой не переводить их со старых на новые кафедры. 10 июля государыня отклонила челобитную первого и удовлетворила пожелание второго. 1 августа псковскую паству поручили опекать Рафаилу Заборовскому, архимандриту Калязинского монастыря. 23 августа он и епископ Ростовский Георгий Дашков пополнили ряды синодальных советников. Причем Дашкова определили третьим присутствующим в коллегии. 1 августа произошло еще одно важное назначение: архимандрита Симоновского монастыря Петра Смелича Екатерина перевела в Александро-Невскую лавру, а 7-го числа объявила священника «первейшим в Российской империи архимандритом». Кстати, именно ему приходилось чаще, чем кому-либо другому, ездить с докладами Синода в Зимний или Летний дворцы.

В полном составе данная пятерка высших духовных лиц страны собралась в Петербурге в первой половине октября 1725 года. Прокопович и Заборовский вернулись из коротких отпусков. Дашков приехал наконец в столицу. Вот им-то в первую очередь, а также, вероятно, «Верховному Ея Величества государыни императрицы протодиакону» (Троицкой церкви) Анфиногену Иванову и протоиерею главного собора страны (Петропавловского) Петру Григорьеву и довелось давать оценку далеко идущему проекту супруги Петра Великого. Через месяц о нем и о реакции священников судачил весь город, не исключая дипломатов. Ж. Кампредон 16 (27) ноября доносил в Париж: «Здесь... на основании некоего предложения, вероятно измышленного Бассевичем, сделали запрос Синоду – может ли великий князь жениться на принцессе Елизавете. На что получили, конечно, ответ, что это равно воспрещается и божескими, и человеческими законами»[5].

В том, что французский посланник приписал идею бракосочетания Геннингу Фридриху Бассевичу, нет ничего удивительного. Министр герцога Голштинского славился богатым воображением и не ленился время от времени «радовать» русский двор какой-нибудь экстравагантной инициативой. Ему же агент Людовика XV присвоил авторство второго варианта женитьбы, когда накануне Рождества 1725 года в Петербурге заговорили о свежеиспеченном кандидате на руку Елизаветы – сыне епископа Любекского и Этинского Карле-Августе. К тому же тайный советник лично сообщил Кампредону сенсационную новость. Как писал француз, Бассевич «сам явился... известить меня» о том, что «действительно заходила речь о браке... Елизаветы с великим князем, браке, который наилучшим образом обеспечил бы внутренний мир в России, соединив и партии, и семью царицы... Но... союзы этого рода безпримерны в России и потому кажутся русским чудовищными. Впрочем... это... не помешает хорошо устроить судьбу цесаревны посредством двойного брака. Ея с сыном дяди герцога Голштинского, епископа Любекского, а великого князя с дочерью того же епископа».

Полагаю, читатель догадался, откуда и по каким причинам задул новый ветер. Но резонен вопрос: почему Карл-Август Любекский, а не кто-нибудь иной? Похоже, Елизавета, взвесив потенциал всех существовавших на тот период в России семейных кланов, не сочувствующих внуку Петра, выбрала в качестве опоры наиболее сильный из них – Голштинский – и рассчитывала замужеством с двоюродным братом Карла-Фридриха заручиться поддержкой этой

влиятельной партии. Правда, жених из германской глубинки не стремился в поисках невесты мчаться на край Европы. Пришлось прибегнуть к хитрости. К диалогу с голштинскими родственниками подключили австрийского монарха. Карлу VI пообещали провозгласить юного Петра Алексеевича (племянника жены императора) наследником, а сестру великого князя, Наталью Алексеевну, выдать за Карла-Августа. Если, конечно, цесарь убедит самого принца навестить берега Невы. Карл VI соблазнился заманчивыми посулами и помог завлечь молодого человека, который 11 октября 1726 года в качестве епископа Любекского (отец скончался весной) прибыл все-таки в Санкт-Петербург. Тут-то ему и открылась истина. Екатерина тотчас дезавуировала клятвы и заверения герцога Голштинского, сделанные им австрийскому послу Амадею Рабутину-Бюсси, и заявила, что дорогому гостю суждено связать судьбу с цесаревной, а не с великой княжной Натальей. Успокаивать обманутого партнера командировали красноречивого Бассевича. Советник 23 октября без тени смущения объяснил Рабутину казус капризом легкомысленной царицы[6].

Если раздражение австрийцев теперь имело мало значения, то за благосклонность жениха еще предстояло побороться, и побороться всерьез, ибо тот прохладно отнесся к перспективе бракосочетания с дочерью императрицы. Да и возмущенный коварством русских гувернер епископа, барон Николас Иосис фон Бер, советовал подопечному либо уклониться от женитьбы, либо настоять на «первоначальном плане», то есть на кандидатуре Натальи Алексеевны. В конце ноября, казалось, скандальный отъезд Карла-Августа на родину неминуем. Однако твердая позиция царицы и, надо полагать, красота и обаяние самой принцессы смягчили праведный гнев голштинцев. Они остались в России. А 5 (16) декабря 1726 года юноша, приободренный Карлом-Фридрихом, формально попросил у матери руки «прекраснейшей принцессы Елизаветы».

Довольно странное поведение Екатерины I, естественно, удивляло многих. Тем не менее никто из россиян или иностранцев так и не сумел понять подлинных мотивов парадоксальных шараханий от одного брачного проекта к другому. Преемник Кампредона, французский резидент Маньян, 13 (24) декабря 1726 года прокомментировал интригу вокруг епископа Любекского просто: «Царица потому так спешит этой свадьбой, что ей страстно хочется, чтоб хоть одна из ея дочерей еще при жизни ея имела детей. На брак герцога Голштинского она в этом отношении надежд более не возлагает... К тому же, по ея убеждению... юная принцесса... черзчур полна для своих лет и может... сделаться через несколько лет бездетной навсегда», если и далее промедлит с замужеством[7].

Возможно, истину удавалось бы успешно скрывать от всех до условного часа «X». Но в двадцатых числах января 1727 года случилось одно досадное происшествие, благодаря которому, к всеобщему изумлению, секрет просочился наружу, после чего в империи разразился тяжелый политический кризис.

* * *

31 января (11 февраля) 1727 года Маньян отписал во Францию: «...Говорят, что... на днях, во время легкого нездоровья царицы... она очень ослабела и находилась в лихорадочном состоянии. И тут, говорят, высказала, что вопрос о престолонаследии не касается никого, кроме младшей дочери ея, принцессы Елизаветы, что она безотлагательно объявила бы ее наследницею, если бы могла теперь же обезпечить ее, выдав ее замуж за епископа Любского, в случае согласия последнего перейти в православие, что было бы необходимо для исполнения ея плана. Герцогиня Голштинская огорчилась до крайности, услышав эти слова царицы, заперлась в своей комнате и несколько дней сидела там, обливаясь слезами»[8].

Признания матери в болезненном бреде, спровоцировавшем утечку информации, фактически выбили почву из-под ног дочери. Отныне на фактор внезапности больше не стоило

уповать. Оппозиция получила шанс, приняв контрмеры, помешать подозрительной отправке великого князя за границу на учебу и явочным порядком сорвать воцарение не слишком популярной Елизаветы. Тем не менее цесаревна не пала духом, а мгновенно сориентировалась в критической для нее ситуации, решив сыграть на опережение.

Принцесса, очевидно, догадывалась, что противник в лице аристократической группы Голицыных, Головкиных и Долгоруковых в союзе с посланниками Австрии и Дании постарается заключить альянс с влиятельным семейством Меншиковых и совместным нажимом вынудить императрицу назвать преемником не дочь, а внука. А чтобы светлейший князь не чувствовал себя временным попутчиком родовитой знати, «бояре» не станут возражать, если младшая дочь Александра Даниловича, Сашенька, обручится с самим великим князем. Вялые переговоры об этом стороны вели с конца 1726 года. Однако после исповеди царицы они, бесспорно, должны были активизироваться.

Елизавета Петровна точно определила: от того, за кем пойдет Меншиков – за аристократами или за голштинцами, – зависит, кто возглавит Россию – она или племянник. Поэтому ей требовалось максимально быстро вбить клин в наметившееся сближение двух крупных партий. И дочь Петра Великого придумала, как: о помолвке великого князя с Александрой Александровной позаботится лично государыня. Но дабы президент Военной коллегии не возгордился чересчур, ему надо слегка подрезать крылья – расстроить помолвку старшей дочери Марии Александровны со старостой Здитовским Петром Сапегой. При таком раскладе высочайшая милость будет выглядеть не крайней заинтересованностью в сильном политическом партнере, а справедливой компенсацией за пережитую князем обиду. Далее цесаревна замышляла выпустить на сцену П.А. Толстого, по-видимому, единственного человека, который с лета 1725 года был в курсе всего, кроме одного нюанса (помните некоего сенатора из письма, перехваченного французами в Стокгольме; это – Толстой): экс-глава Тайной канцелярии (с мая 1726 года) вряд ли ведал, что выполняет инструкции не Екатерины, а прелестной дочери венценосной госпожи. Петру Андреевичу предстояло, во-первых, прощупать не примкнувших к основным фракциям независимых – генерала-полицмейстера Девизера, подполковника Бутурлина и других – на предмет их готовности обратиться к императрице с пожеланием назначить наследницей престола Елизавету Петровну. Кроме того, на Толстого возлагалась ответственная миссия – внушить герцогу Голштинскому, что ему с супругой выгоднее претендовать на шведский трон, а не на российский. Финал интриги ясен. В удобный момент голштинцы, независимые вкупе с Меншиковым, имитируя всенародное волеизъявление, попросят царицу провозгласить младшую дочь своей преемницей, что та публично и совершит.

Екатерина осуществляла изложенный выше план весьма пунктуально. 27 января и 1 февраля камер-фурьер Меншикова зафиксировал два вечерних визита к хозяину камергера Рейнгольца-Густава Левенвольде. Тот на правах фаворита императрицы, вероятно, и проинформировал князя о возникшем у Ее Величества намерении выдать родственницу Софью Карловну Скавронскую за Петра Сапегу, зятя всесильного друга царской семьи. Естественно, Александра Даниловича шокировали откровения придворного: какая вожжа попала под хвост самодержицы?! Мария и Петр сговорены еще 12 октября 1721 года; обручены 13 марта 1726 года. Причем самой государыней...

3 февраля Меншиков в Зимнем дворце полтора часа (с перерывом на обед у великого князя) общался с Екатериной. Похоже, безрезультатно. А утром 4-го обескураженного вельможу навестил царский посол Рабутин, с которым хозяин «изволил разговаривать тайно в Ореховой с час». О чем? Скорее всего, о создавшейся вследствие очередного августейшего брачного каприза благоприятной обстановке для реализации великолепной идеи датчанина Вестфалена, товарища австрийского графа. Именно теперь настал момент людям, сочувствующим юному Петру Алексеевичу, теснее сплотиться друг с другом, чтобы, сообща переубедив вдову Петра Великого, добиться высочайшего согласия на породнение Меншиковых с Рома-

новыми и признания политических прав полуопального отрока. В тот день Светлейший побеседовал также с Бассевичем и саксонским посланником Лефортом. Речи иноземцев, очевидно, произвели большое впечатление на него. Утром в воскресенье 5-го числа князь неожиданно отправился к А.И. Остерману, с которым прежде встречался изредка, в основном по праздникам. Президент Военной коллегии просидел у вице-канцлера около трех часов, и в итоге на свет народился крепкий политический дуэт в лице энергичного, решительного россиянина и умного, проницательного немца, единственного, кто мог распутать сплетенный Елизаветой клубок[9].

Кстати, цесаревна заметила маневр сановника и через две недели воспользовалась им. А пока ей пришлось срочно сглаживать досадный промах матери, которая вечером 5 февраля пожаловала орден Святой Екатерины двенадцатилетнему сыну Меншикова Александру. Награда, бесспорно, предназначалась младшей дочери Александре Александровне Меншиковой, без пяти минут невесте великого князя. Принцесса хотела просигналить потенциальному союзнику, что ущерб от разрыва с Сапегой будет с лихвой возмещен, если обиженный отец вступит в ряды ее сторонников. Однако подчиненные Макарова или Головкина, перетрудившись, не отличили Александра от Александры и вписали в грамоту мужское имя вместо женского. Так высочайшая милость в мгновение ока превратилась в высочайшее оскорбление, ибо мальчика, будущего офицера, поощрили бабьей кавалерией. Александр Данилович – человек сообразительный, – разумеется, расшифровал подтекст торжественного акта. Но неприятный осадок, конечно, остался в душе, усугубив огорчение, вызванное историей с Сапегой. Елизавета на ходу придумала, чем замолить грех. 9 февраля, как обычно раз в месяц, в гости к Светлейшему приехал великий князь с сестрой. И вдруг 12-го числа около пяти часов пополудни оба подростка опять заглянули на огонек к Меншикову, дабы «посидеть в Ореховой» и «в зале потанцевать». А привез их не кто-нибудь, а сама дочь Петрова в компании с двоюродной сестрой Екатериной Ивановной. Растроганный Александр Данилович 14 февраля письменно поблагодарил Петра Алексеевича «за милостивейшее Вашего Высочества посещение»[10].

Главный вопрос, который мучил первого сподвижника Петра Великого с конца января: кто стоит за спиной императрицы, мечтающей водрузить корону на младшую дочь, – цесаревна, Толстой или герцог Голштинский? То, что это инициатива не Екатерины, прожженный царедворец осознал довольно скоро. Курьез с дамским орденом однозначно свидетельствовал о том. Оставалось вычислить загадочного серого кардинала. Меншиков всерьез подозревал и красавицу, и министра, и заморского государя. Елизавета выросла у него на глазах. Умная, общительная, обаятельная девушка вполне могла стремиться к российскому скипетру, а мать ради «сердца моего» исполнит любую рекомендацию дочери. Петр Андреевич – соперник тоже не мифический. Толстой всегда подле императрицы. Екатерина ценит графа не меньше, чем Меншикова. Если бывший глава Тайной канцелярии захочет возвести на престол цесаревну, он, убедивший возвратиться на верную гибель царевича Алексея, легко найдет нужные слова и вдохновит августейшую госпожу с дочкой на решение сей непростой задачи. Карл-Фридрих не столь вкрадчив. Но рядом с ним – «генератор идей» Геннинг Бассевич и умница жена, Анна Петровна. Втроем им по плечу заинтересовать супругу царя Петра проектом великого династического альянса двух сестер – Анны, королевы Швеции, и Елизаветы, императрицы России. Государыня безоговорочно одобрила авантюрный голштинский план войны с Данией из-за крохотного Шлезвига. Тем более она апробирует комбинацию, сулящую царский венец ее любимице.

Таким образом, Светлейший должен был сперва рассекретить «тайного советника» императрицы и уже потом выбрать, от кого принять приз (обручальное кольцо Петра Алексеевича) – от незнакомца или от аристократической партии. Без светлой аналитической головы вице-канцлера герой Калиша и Переволочны вряд ли бы исхитрился обойтись. И Остерман зачастил к Меншикову: 15 февраля, 17 февраля. 18 февраля оба совещались в Ореховой палате, а также

в Предспальне допоздна. А 19 февраля господин инкогнито неожиданно предложил партнерам прекратить игру в прятки и присоединиться к нему: государыня назначила Андрея Ивановича воспитателем внука основателя империи, а Рейнгольца Левенвольде – заместителем вестфальца. Остерман с Меншиковым все поняли и подчинились. В то же воскресенье Александр Данилович позвал к себе молодого Сапегу и огорчил зятя предупреждением о вероятной отмене обручения с Марией. Тесть не ошибся. Вечером после длительного перерыва его навестил фаворит государыни, и загнанный в угол вельможа сообщил посреднику о согласии разорвать помолвку старшей дочери с поляком.

21 февраля Левенвольде вернулся вместе с Остерманом и огласил царскую волю: Александра Александровна в качестве невесты юного принца импонирует Ее Величеству. Затем медиаторы ушли заниматься своим прямым делом, придумывать обряд сговора. Левенвольде – со стороны великого князя, Остерман – от имени светлейшей княжны. Вечером 25 февраля вице-канцлер уведомил Меншикова о промежуточном, утром 27 февраля – об окончательном результате: все готово, пора подключать к процессу семью знатного шляхтича. Около шести часов пополудни в понедельник 27-го отец жениха – Ян Казимир Сапега – посетил дом на Васильевском острове и выслушал малоприятные оправдания Светлейшего. 1 марта, в день рождения Александра Меншикова-младшего, консультации с Сапегой продолжились. Спустя сутки, 2 марта, Левенвольде привез неофициальное согласие Екатерины на брак Александры с Петром, после чего хозяин дворца на три часа затворился в кабинете вдвоем с Остерманом. В пятницу Меншиков сообщил важную новость Петру Сапеге, а 4-го, в субботу, Ян Сапега нанес прощальный визит «в покой светлейших княжен». Сын же бобруйского старосты вечером переговорил с Александром Даниловичем, который попросил молодого человека съездить к герцогу Голштинскому, довести до сведения Карла-Фридриха желание государыни и «умолять» будущего родственника не чинить препятствий сему браку и пойти на примирение[11].

Петр Сапега побывал во дворце Рагузинского на набережной Невы (по соседству с домом Ф.М. Апраксина, где чета Голштинских жила первое время после венчания 21 мая 1725 года) ориентировочно утром 5 марта и нисколько не смутил мужа Анны Петровны сенсационной вестью. Герцог, посоветовавшись с друзьями, потребовал от Меншикова за согласие выкуп: автономизации Эстляндии и Лифляндии «для обеспечения дочерей» императрицы. В восьмом часу пополудни 5 марта Геннинг Бассевич изложил «ультиматум» Александру Даниловичу, который чрезмерные притязания голштинцев отверг. Тогда, очевидно, уже 6 марта Карл-Фридрих поспешил в Зимний дворец и начал страшать государыню: «Князь... возвысит свою власть и значение до крайнего предела. Будет считаться тестем будущего императора и не успокоится, пока не будет... решено наследие его зятя... не говоря о сильном искушении... возвести его и свою дочь возможно скорее на престол... Царица и ея дети будут находиться в руках Меншикова и участь их будет зависеть от него... Желает ли Царица и себя, и своих детей отдать произволу князя или недопущением такого брака... лишить его могущества, которым он до сих пор пользовался. Он же, герцог, видя злополучные последствия этого дела, не желая доверяться мстительным умыслам князя, твердо решился, как только царица примет сторону последнего, оставить Россию вместе с... супругой, какая бы не постигла его там (в Германии. – К.П.) горькая участь».

Екатерина выслушала тираду суженого Анны спокойно и ничего конкретного в ответ не сказала (позднее немецкий князь признался генерал-полицмейстеру Антону Девизеру, что Ее Величество «изволила умолчать»). Лизаньке виднее, как поступать правильно. Поэтому высокопарные фразы не тронули тещу и не поколебали решимости твердо двигаться к намеченной цели. Разочарованный зять вернулся к себе и устроил второй консилиум. По окончании дебатов постановили прибегнуть к блефу: распространить в публичке дезинформацию о готовности цесаревен на коленях взывать к здравомыслию матери; о демарше П.А. Толстого, якобы осудившего на докладе у царицы опасный брачный проект; об эффективности встречи герцога

и государыни, возмущившейся коварством старого друга. Не мешкая, Бассевич повидался с Елизаветой Петровной и попытался привлечь девицу на голштинскую сторону сентенциями о неизбежности воцарения обожаемого народом великого князя, о необходимости добиваться передачи части завоеванных Петром Великим провинций герцогу Голштинскому на период до воцарения оного в Швеции. Карл-Фридрих немедленно бы отрекся от Голштинии в пользу епископа Любекского, жениха Ее Высочества. Лишь на этих условиях обе сестры и герцог вправе смириться с обручением Александры Александровны и Петра Алексеевича.

Реакцию цесаревны предугадать нетрудно. Она, конечно, подивилась немецким фантазиям. А могла, между прочим, и пальцем у виска покрутить. Ну просто сверх меры разыгралось воображение у Карла-Фридриха и Бассевича. Нет, дочь Петра Великого в ногах у матушки и не думала валяться, прибалтийскими иллюзиями себя не тешила, а, напротив, охотно приветствовала достигнутый Меншиковым компромисс и лично поздравила князя, приехав 19 марта вместе с великим князем и великой княжной к нему на тезоименитство супруги – Дарьи Михайловны.

Почему же соратника Петра I не насторожили поразительные совпадения? Дщерь Петрова навещает его в окружении племянников в те моменты, когда это нужно загадочной персоне, заслонившейся государыней. Во-первых, принцесса и вельможа издавна находились в прекрасных отношениях. Она уважала умного и напористого царедворца. Он восхищался красотой, обаянием цесаревны и любил частенько после аудиенции у царицы или до нее подниматься на второй этаж Зимнего дворца, дабы полчаса, а лучше час провести в обществе очаровательной девушки. Во-вторых, сопровождение взрослой дочерью по просьбе матери двух несовершеннолетних детей в чужой дом – вполне заурядное занятие. Так что придраться тут не к чему.

Куда больше встревожили Светлейшего позиция герцога Голштинского и слухи о терзающих императрицу сомнениях: не обманывает ли ее Данилыч?! Утром 7 марта, проконсультировавшись накануне с Остерманом, Меншиков торопится в Зимний дворец. Но Екатерина еще не проснулась, и ранний гость, посидев немного в Столовой комнате, не выдерживает и устремляется наверх, к Елизавете, вероятно надеясь там скорее найти ответ на мучительный вопрос. Тревоги оказались беспочвенными. Императрица заверила сановника в отсутствии каких-либо колебаний и, похоже, пообещала в ближайшее воскресенье назвать дату публичного оповещения всех о предстоящей помолвке.

Домой Меншиков вернулся воодушевленным. Но предпочел утаить от посторонних слова царицы. Лишь 11 марта Александр Данилович порадовал отличными новостями Рабутина, нагрянув к нему на квартиру в особняк Ягужинского, а затем с удовольствием отобедал у старшего Сапеги во дворце Брюса. 12 марта Екатерина официально, хотя и в узком кругу, подтвердила данное прежде согласие на брак и, очевидно, объявила 5 апреля днем обнародования семейного секрета. Из Зимнего дворца счастливый отец возвратился в шестом часу вечера и сразу же отправился «в покой светлейших княжен», где забавлялся с детьми, а также с приехавшими великим князем и великой княжной, пока сын князя не отлучился с Петром Алексеевичем на короткую прогулку на свежем воздухе. 13-го числа по окончании заседания Верховного Тайного Совета Меншиков помчался в санях не обратно к себе, а в дом вице-канцлера, которого, к сожалению, не застал. Впрочем, барон сам пожаловал к нему, по обыкновению, в вечернюю пору в компании с А.В. Макаровым (тоже косвенно причастным к брачным переговорам). Приятели если не обмыли, то уж точно поздравили друг друга с блестящим успехом. Судя по всему, в те теплые и солнечные мартовские дни Светлейший решил капитулировать и примкнуть к могущественному и таинственному покровителю Елизаветы Петровны. Глава аристократической партии Д.М. Голицын 14 марта потерял время даром, беседуя с князем в Предспальне. Слишком поздно встрепенулся, голубчик!

Однако Меншикову не стоило забегать вперед, превращать тезоименитство жены в собственный триумф и хвастать перед цесарцем Рабутином о том, что в день рождения императрицы Россия узнает о взлете меншиковской фамилии. Без прояснения еще одного ключевого момента торжество Александра Даниловича грозило обернуться ловушкой с единственным выходом – ссылкой из столицы. 5 апреля Екатерина под благовидным предлогом отсрочила публичный акт провозглашения Александры Александровны царской невестой[12]. Это был плохой знак. Что-то у главного режиссера не заладилось. Значит, жди беды!

* * *

На судьбу Девизера, Толстого, Бутурлина, Скорнякова-Писарева и в немалой степени Меншикова роковым образом повлияла одна календарная неделя – с воскресенья 19-го по воскресенье 26 марта. Удовлетворенная тем, как виртуозно ей удалось завербовать светлейшего князя, Елизавета Петровна велела матери выпускать на подмостки П.А. Толстого. Граф начал с дворца Рагузинского и, во-первых, прозондировал настроения хозяина относительно скорого породнения Меншиковых с царствующей династией. Герцог Голштинский, понятно, отозвался о нем без особого энтузиазма, опасаясь чрезмерного укрепления позиций баловня судьбы. Петр Андреевич, согласившись с Карлом-Фридрихом, произнес: «Надобно государыне о том донести обо всем, какую предосторожность Ее Величеству надлежит в том иметь. Понеже Светлейший князь силен. У него войско в команде и военная коллегия. А, ежели то зделаетца, то по времени может в силу притти, и тогда попросит у Ея Величества, чтоб из Шлютебурха бывшую царицу взять. А она старого обычая человек. Может все переменить по старому, понеже она нраву гневнаго. К тому же, может быть, захочет, чтоб обиду зделать Ея Величеству и детям ее». Видя, что собеседнику по сердцу прозвучавшие речи, Толстой высказал идею: обратиться к государыне нужно не с простой жалобой, а с просьбой назначить наследницей какую-либо из своих дочерей. На взгляд самого графа, лучше, коли выбор монархини остановится на младшей Елизавете. Герцогу инициатива понравилась, правда, названная гостем кандидатура, похоже, не привела в восторг. Толстого это не удивило. Вполне естественно, что муж Анны Петровны не готов сразу поддержать родную сестру жены. Посему Петр Андреевич аккуратно обрисовал немецкому князю, насколько тому выгоднее добиваться шведской короны для себя, а не российской – для супруги.

В надежде со временем распропагандировать и переманить голштинское семейство в лагерь младшей цесаревны влиятельный сенатор почтил вниманием еще два важных адреса. Заглянул на огонек к Ивану Ивановичу Бутурлину, авторитетному шефу преображенцев, а чуть погодя нагрянул к Антону Мануиловичу Девизеру, генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга. Больше конфидент императрицы ни с кем на щекотливую тему не общался, ибо внезапно получил из Зимнего дворца команду «отбой». В дальнейшем тайный советник вел себя на редкость пассивно, хотя взбудораженные министром лица (Бутурлин с Девизером растормошили Г.Г. Скорнякова-Писарева, А.И. Ушакова, И.А. Долгорукова, А.Л. Нарышкина) восприняли на ура инициативу старика, стали приезжать к нему или звать к себе на «консилиумы» с глазу на глаз. Толстой не избегал встреч. Но, когда активисты ставили перед ним вопрос о том, не пора ли всем идти к государыне, и ему в том числе, отнекивался: «Докладывать Ея Императорскому Величеству... дерзновения не имею».

Отчего же посредническая миссия Толстого заглохла в самом зародыше? Ответ следует искать в диалогах Бутурлина и Девизера с графом и между собой. Сосредоточимся на примере Девизера. Петр Андреевич приехал к нему перед Благовещением (25 марта) «дни за два или за три». Преамбулу беседы о высочайшей немилости к сыну почтенного визитера пропустим. Вслушаемся в деловую часть.

«Толстой: Говорил ли тебе Королевское Высочество что-нибудь?

Девизер: Нечто он мне говорил.

Толстой: Ведаешь ли, что делаетца сватовство у великого князя на дочери святлейшаго князя?

Девизер: Отчасти о том ведаю. А подлинно не ведаю. Токмо Его Светлость обходитца с великим князем ласково.

Толстой: Надобно о том донести Ея Величеству со обстоятельством. Впредь может статца (Светлейший князь и так велик в милости), ежели то зделаетца по воле Ея Величества, не будет ли государыне после ис того какая противность. Понеже тогда он захочет добра болше великому князю. К тому же он и так чести любив. Потом зделает, и может статца, что великого князя наследником и бабушку ево велит сюды привести. А она нраву особливаго жестокосердия. Захочет выместить злобу и дела, которые были блаженные памяти при государе, опровергнуть. И для того надобно Ея Величеству со обстоятельством донести, как она о том соизволит. Толка бы о том известна была во всем. А мнитца то, чтоб Ея Величество короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну. И когда так зделаетца, Ея Величеству благонадежнее будет, что дочь родная. А потом, как Великий князь [здесь] научится, тогда можно ево в чюжие края послать погулять и для обучения посмотреть другие государства, как и дед ево блаженные памяти государь император ездил и протчие европейские принцы посылаютца, чтоб между тем могла утвердитца государыня цесаревна в наследстве».

Пассаж об имени претендентки извлечен из допросов Петра Андреевича. А вот как это место передано Антоном Мануиловичем: «...чтоб Ея Императорское Величество для своего интереса короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну и[ли] Анну Петровну или обеих вместе». Толстой на следствии заявил, что «о коронации цесаревны Анны Петровны или обоих государынь цесаревен вместе не говорил». Почему генерал-полицмейстер упомянул старшую сестру, мы поймем, обратившись к сетованиям Девизера и Бутурлина в дни тяжелой болезни императрицы в апреле. Иван Иванович спросил у приятеля о здоровье государыни: «Что, есть ли лехче?» Товарищ успокоил: «Слава Богу, кажется, есть полехче!» Далее оба вспомнили о герцогине Голштинской.

«Бутурлин: Однако, чаю, цесаревна Анна Петровна плачет?

Девизер: Как не плакать, [ведь] матушка родная!

Бутурлин: Она на отца походит. И умна.

Девизер: То – правда. Она и умила собою, и приемна, и умна. А и государыня Елисавет Петровна изрядная. Токмо сердитее ее. И ежели б в моей воли, я б желал, чтоб цесаревну Анну Петровну государыня изволила зделать наследницею.

Бутурлин: То б не худо было. Я б желал, ежели государыне не было противно, також»[13].

Можно не сомневаться, Петру Андреевичу и гвардии штаб-офицер, и градоначальник признались как на духу: им хочется хлопотать за Анну Петровну, а не за «сердитую» Елизавету. Об этом добросовестный медиатор, разумеется, донес Екатерине, та – дочери, а дочь тут же сообразила: все, не быть ей императрицей, по крайней мере в ближайшие несколько лет. Меншиков без коалиции с голштинцами и независимыми не отважится в одиночку бороться за воцарение Елизаветы. Он быстро переметнется к Голицыным. Голштинцы без влияния извне и не подумают агитировать за младшую цесаревну. А подтолкнуть их в нужную сторону, как выясняется, некому. Бутурлину с Девизером симпатична Анна Петровна. За кого проголосуют прочие, неизвестно. Но велика вероятность, что продолжение челночной дипломатии Толстого закончится солидной демонстрацией чиновников и вельмож в пользу старшей сестры. Как говорится, только этого не хватало! Нет, таскать каштаны из огня ради Аннушки Лиза не горела желанием. В результате пожилой сановник ограничился посещением трех домов, после чего снова ушел в тень. Тем временем честолюбивая девица попробовала найти выход из тупика. И отыскала...

Раз избранные принцессой союзники не в силах помочь ей, а, наоборот, на глазах превращаются в непреодолимое препятствие, она сметет с пути вырастающую преграду. Правда, для этого придется пожертвовать Толстым и пропустить вперед великого князя. Увы, иного способа не существовало: либо Елизавета капитулирует, либо в кратчайшие сроки утихомирит брожение умов, поклоняющихся Анне, сорвет помолвку Александры Меншиковой, избавится от уже ненужного жениха-епископа, а по возможности и от опасной соперницы-сестры, окрутит и женит на себе своего юного племянника и через него завладеет российским престолом. Жизнь без власти для дочери Петра Великого теряла смысл. Посему красавица без колебаний подписала приговор Девизеру, Бутурлину и Толстому, разработав гениальный план захвата власти при отсутствии какой-либо внешней поддержки.

Прежде всего, цесаревна решила дистанцироваться от Светлейшего, чтобы князь поневоле задрейфовал к старым друзьям – Голицыным. Когда Меншиков соединится с родовой знатю и присягнет на верность Петру Алексеевичу, принцесса постарается натравить его на растревоженных Толстым сторонников Анны – независимых и голштинцев. Данилыч должен жестокой расправой остудить пыл почитателей герцогини, а заодно по беседам Девизера и Толстого разглядеть в Петре Андреевиче загадочного покровителя принцессы. Тогда Светлейший вычеркнет Елизавету из списка тех, кто за спиной царицы строит козни законному наследнику трона (разве способна милая девушка подвести под монастырь Петра Андреевича – собственного приверженца?!), и целиком сосредоточится на ликвидации опасных конкурентов – Толстого и голштинской партии. Между тем настоящая претендентка под шум допросов и арестов начнет понемногу обольщать сына царевича Алексея, которого государыня в случае нужды провозгласит преемником. А вот обручения дочери Меншикова с великим князем не будет. Матушка передумает и отзовет свое согласие. И ради личного спокойствия Александру Даниловичу лучше не напоминать о недавних высочайших обещаниях. Затем покорный воле Елизаветы племянник принцессы как-нибудь объявит всем о намерении жениться на тетушке, и окружающие смирятся с этим. Мать благословит сей брак, и по свершении обряда венчания любимая дочь Петрова станет императрицей.

* * *

Почти месяц отец первой «царской невесты» тщетно ожидал какого-либо сигнала от вождя проелизаветинской фракции. Тот «на связь» с ним больше не вышел. 5 апреля ни после литургии в домовая церкви, ни во время угощения гостей в аудиенц-камере «чаркой водки», ни за обеденным столом Екатерина не намекнула, не обмолвилась о сговоре. Князь не понимал, что происходит. Через день, 7 и 9 апреля, он дважды навещал покои Елизаветы и наверняка пытался выяснить у нее, в чем дело. Девица, похоже, отчасти развеяла мрачные мысли посетителя, ибо Светлейший по-прежнему остерегался сближаться с Голицыными. 10 апреля императрица «впала в горячку». В тот же вечер Меншиков с супругой и свояченицей (Варварой Михайловной Арсеньевой) переехал с Васильевского на Адмиралтейский остров и поселился в соседнем с Зимним дворцом доме Ф.М. Склаева – вотчине Дворцовой канцелярии. Несмотря на серьезность болезни Ее Величества, новый квартирант никак не отваживался на разрыв с неведомым покровителем цесаревны, которая между тем внимательно отслеживала каждый его шаг. 12 апреля около шести часов пополудни к князю вдруг пожаловал граф Рабутий на тайную встречу. Не успел австрийский посол час спустя откланяться, как слуги доложили о визите Анны Петровны и Елизаветы Петровны. Зачем? Да просто так, «повеселитца в спальне» с часок и позвать почтенную чету к скучающей в постели больной матери.

16 апреля стало не до «веселий». Возможно, в то роковое воскресенье Лиза впервые за полтора года забыла о честолубии и амбициях. Мать поразил тяжелый припадок удушья. Она лежала при смерти. Гофмедики Блюментрост, Пагенкампф, Лесток и Бадер беспомощно раз-

водили руками, уповая на милость Господа, и младшая дочь, боявшаяся за жизнь матушки, вряд ли думала в те минуты о российской короне. Вместе с ней в Столовой комнате на первом этаже плакала и терзалась неизвестностью старшая сестра Анна. А в другой, смежной палате на кровати сидел захмелевший Антон Девизер и что-то шептал на ухо усевшемуся рядом одиннадцатилетнему великому князю.

Генерал-полицмейстер, вероятно, с горя выпил лишнего и оттого вел себя развязно: смешивал придворных, ухватил рыдавшую Софью Карловну Скавронскую за талию и покружился в паре с нею, вроде бы танцуя. Потом нахально то ли попросил, то ли предложил рюмку вина Анне Петровне. В общем, Антон Мануилович утратил самоконтроль, натворил и наболтал много чего нехорошего. Впрочем, Елизавету Петровну тогда мало волновали безобразные сцены с участием генерала. Но в какой-то момент к тетушке подошла великая княжна Наталья Алексеевна и пересказала слова брата. Якобы глава полиции говорил мальчику: «Поедем со мною в коляске. Будет тебе лутче и воля!» Скорее всего, поначалу цесаревна отреагировала на жалобу племянницы равнодушно: мол, не связывайтесь с дураком. Однако потом, когда вечером императрице полегчало и кризис миновал, принцесса вспомнила о пьяном лепете португальца и уловила в нем многозначительный смысл[14].

Пока царские дочери обливались слезами, а Девизер куражился на виду у всех, Александр Данилович посвятил весь день государственным заботам. В девятом часу утра князь по зову Екатерины явился в царскую опочивальню и выслушал волю умиравшей: «Чтоб ея дочь Елизавета была ея преемницей!» Вот оно – судьбоносное мгновение! Меншиков немедленно созывает министров и генералитет на совещание во дворец. Послал за всеми, кроме герцога Голштинского. Карла-Фридриха проигнорировали, очевидно, из-за того, что перед тем как выйти к сановникам, Светлейший поинтересовался мнением ключевой фигуры. Ответ Елизаветы не мог не привести вельможу в замешательство. Цесаревна «сочла удобным поддерживать права Петра II». Возник вопрос: если власть принцессе безразлична, то кто и почему более двух месяцев морочил голову его светлости? Правда, днем 16 апреля размышлять о том было некогда. Меншиков сориентировался в непростой ситуации довольно быстро и вынес на рассмотрение коллег такое предложение: хотя императрица настаивает на кандидатуре младшей дочери, не учитывать всенародное расположение к внуку императора тоже нельзя. Будет правильным провозгласить наследником престола юного Петра, а главой регентского совета из двенадцати членов назначить Елизавету Петровну. После замужества с епископом Любекским цесаревна станет главной претенденткой на корону в случае ранней кончины Петра Алексеевича или при отсутствии у него потомства.

Ей-богу, Светлейший выдвинул самый оптимальный вариант разрешения политического кризиса. Собрание единодушно одобрило план князя. Ведай Елизавета о том, что ее соперник с того дня не проживет и трех лет, она, безусловно, велела бы матушке санкционировать проект тестаменты. Увы, девушка не знала своей судьбы, рассуждала трезво и по очевидным причинам забраковала компромисс, суливший ей только роль правительницы на четыре с половиной года и призрачные надежды на грядущее воцарение после бездетного (гарантий тому никаких) Петра. Кроме того, регентство не позволило бы семнадцатилетней тетушке выйти замуж за подростка, даже при изгнании из России жениха-голштинца. Общество опекуны подобного святотатства не простит и, напротив, пожалует несчастную цесаревну, идущую под венец из-за прихоти молодого самодура-императора. Так что опасения ряда персон, сомневавшихся в апробации Екатериной сочиненной на ходу импровизации, полностью подтвердились. Императрица бумагу не подписала.

17 апреля Александр Данилович впервые после 14 марта конфиденциально полтора часа беседовал с Д.М. Голицыным и Г.И. Головкиным. Простившись с ними, Меншиков прогулялся до особняка тайного советника Мусина-Пушкина, где с недавних пор квартировал обергофмейстер великого князя А.И. Остерман (по набережной в сторону Летнего сада; от Зим-

него дворца третий дом). Пообщавшись полчаса с вице-канцлером, Светлейший возвратился в царскую резиденцию. Судя по всему, колебания относительно дальнейших действий у князя отпали. Он решил на союз с аристократической партией. Вечером 18 апреля состоялась вторая часовая встреча Александра Меншикова с Дмитрием Голицыным, на которой партнеры, наконец, нашли взаимопонимание. Самое примечательное: вездесущая Елизавета Петровна, разумеется, не одна, с сестрицей, в это время «изволила веселиться в спальне» их светлости. Что ж, цесаревна могла себя поздравить. Она не ошиблась в расчетах. Любимец отца возглавил поклонников юного Петруши. Тем не менее принцесса подстраховалась, выждала четыре дня и, лишь убедившись, что Дмитрию Михайловичу с Александром Даниловичем больше не о чем дискутировать, подкинула свежее испеченному тандему на редкость каверзную приманку[15].

* * *

23 апреля около трех часов пополудни Александр Данилович, пообедав у советника Егора Пашкова, вернулся в Зимний дворец и сразу же поднялся на второй этаж к Елизавете Петровне. Немного погодя оба вышли на дворцовое крыльцо вместе с Петром Алексеевичем и Натальей Алексеевной. Компания уселась в карету, которая покатила к Невской прешпективе, чтобы в объезд, а не напрямую по Верхней набережной или Немецкой улице приехать к Летнему дому. Значит, у взрослых назрела потребность поговорить о чем-то важном, и не торопясь. Присутствие детей помогает понять, на какую тему. Елизавета сообщила другу царской семьи о странной попытке Девизера днем 16 апреля увлечь на прогулку малолетнего Петра. Подростки описали подробности происшествия. Мысль о заговоре с целью опередить Светлейшего, без участия «полудержавного властелина» добиться провозглашения мальчика преемником Екатерины, напрашивалась сама собой. Естественно, князь поблагодарил девицу за предупреждение. Весь вечер оно не давало ему покоя. А около полудня 24-го числа по окончании заседания Верховного Тайного Совета Меншиков позвал к себе Д.М. Голицына и рассказал ему обо всем. Вдвоем они раздумывали над наивной искренностью ребят и по истечении часа сошлись на том, что от предостережения не стоит отмахиваться, то есть без расследования не обойтись.

После обеда, во втором часу дня, Александр Данилович отправился на прием к императрице и без проблем склонил больную к подписанию указа об аресте главы столичной полиции. Надо полагать, одна юная особа не сидела, сложа руки, и подготовила царицу к неизбежности такого шага. Антона Мануиловича взяли под стражу тотчас по выходе Светлейшего из покоев Ее Величества. Благо генерал в ту пору как раз пребывал во дворце. Девизера, униженного публичным снятием красной ленты ордена Александра Невского, отвезли в Петропавловскую крепость, а шурин узника (Девизер был женат на родной сестре князя) вечером посетил двух своих советников – барона Остермана и цесаревну Елизавету. У красавицы поздний гость предпочел задержаться на ужин[16].

Итак, Меншиков заглотнул наживку. Теперь принцесса надеялась вырвать на допросах у арестанта признание о встрече с Толстым. Правда, Данилыч медлил брать быка за рога. Три дня потратил на формирование следственной группы из шести человек, на совещания с Остерманом и с новыми союзниками – Голицыным и Головкиным. Лишь в девятом часу утра 28 апреля Г.И. Головкин, Д.М. Голицын, Г.Д. Юсупов-Княжево, И.И. Дмитриев-Мамонов, А.Я. Волков и Ю.И. Фаминцын приступили к работе. Комиссия не располагала никакими уликами, кроме жалоб великого князя. Дерзости, совершенные по пьянке во дворце, под политическую статью не подведешь. Поэтому Девизер без труда обелил себя и отрекся от реплики, якобы сказанной Петру Алексеевичу: ну, неверно истолковала родня императрицы шептания генерал-полицеймейстера, и все тут.

Зашедшая в тупик шестерка поспешила на другой берег Невы за дальнейшими распоряжениями, которыми царица и снабдила докладчиков. Похоже, в Зимнем дворце предвидели, какие ответы даст обвиняемый, ибо Екатерина велела объявить арестанту: «Ея Величеству о том Его Высочество великий князь сам даносил самую истину. И Ея Величество на том утверждаетца. И сама изволила ево, Антона, присмотреть в ево противных поступках, и изволит знать многих, которые с ним сообщники были». И вдобавок пригрозила, если не назовет тех, «которые с ним сообщники в ызвестных притчинах и делах, и х кому он ездил и советывал, и когда», то подвергнется пытке. Так, Антону Мануиловичу пространно намекнули, чего от него хотят: подробного изложения разговоров с Бутурлиным и Толстым.

Увы, заключенный не вник в текст указа, продолжал запираяться, угодил 29 апреля на дыбу и, только получив двадцать пять ударов плетью, произнес имя Бутурлина. С этим скромным результатом следователи опять поплыли к императрице. А та немедленно командировала их на двор гвардии подполковника. Штаб-офицер по лаконичности мог сравниться с товарищем. Но о беседах с Петром Андреевичем, к счастью, вспомнил. Услышав о том, 1 мая Девизер наконец сообразил, что к чему, и в деталях описал, как обсуждал брачный проект, касающийся Александры Александровны и Петра Алексеевича, сперва с герцогом Голштинским, а чуть позже с Толстым, Бутурлиным и кое с кем еще. Прозвучали фамилии Скорнякова-Писарева, Долгорукова, Нарышкина, Ушакова. Первых двух допросили в крепости (2 мая), прочих – на дому. С Толстым генералы Дмитриев-Мамонов, Юсупов и Волков встретились 3 мая. Исповедь прежнего директора Тайной канцелярии в принципе не противоречила откровениям Девизера, хотя стремление графа зачислить всех фигурантов (герцога Голштинского тоже) в сторонники Елизаветы Петровны вряд ли понравилось цесаревне. Однако в целом инспирированный ею процесс с тремя первоочередными задачами справился.

Меншиков думал разоблачить заговорщиков, действующих у него за спиной в пользу великого князя, а обнаружил и приструнил влиятельное, несмотря на аморфность, движение, ратующее за воцарение Анны Петровны. Князь давно мечтал скинуть маску с загадочной личности, внушившей императрице идею завещать трон младшей дочери. Сейчас, опираясь на материалы дознания, он легко отождествит господина инкогнито с реальным человеком – П.А. Толстым или (при возникновении сомнений) Карлом-Фридрихом Голштинским. Кроме того, у Светлейшего больше нет оснований подозревать в тайных замыслах саму принцессу. Ведь именно она дала толчок громкому разбирательству, выдав с головой Девизера, а вместе с ним и Толстого с Голштинским. Впрочем, затягивать следствие до установления полной истины ей совсем не резон. Петр Андреевич при повторных допросах или очных ставках может невольно сболтнуть о какой-либо мелочи, способной лишить цесаревну надежного алиби. Поэтому чем скорее мать свернет неактуальную отныне активность следственной группы и упрчет графа куда-нибудь подальше от князя, тем лучше.

Утром 4 мая члены комиссии доложили Екатерине об итогах визита к Толстому. Реакция императрицы примечательна: езжайте к остальным – И.И. Бутурлину, А.И. Ушакову, А.Л. Нарышкину. Генералы поехали. Уточнили ряд пунктов у Ивана Ивановича, навестили Александра Львовича. Не успели они толком побеседовать с Нарышкиным, как в дом вельможи вбежал секретарь Меншикова Андрей Иванович Яковлев с предписанием хозяина: не мешкая, Дмитриеву-Мамонову и Волкову возвращаться в Зимний дворец, а Юсупову и Фаминцыну продолжать фиксировать ответы Нарышкина (Андрея Ивановича Ушакова четверка выслушала после второй высочайшей аудиенции). Что случилось? Ни с того ни с сего «Ея Величество указала всему собранию учрежденного суда сказать, чтоб к суботе... изготовить к решению экстракты изо всего дела и приличные указы». Значит, пришла пора закругляться.

Заметим: до полудня государыня о подведении черты не помышляла. И вдруг такая метаморфоза! По-видимому, казус объясняется просто. На утренней встрече Екатерины с судьями Елизавета Петровна не присутствовала. Допросные листы Толстого цесаревна прочитала чуть

позже и моментально дала матери процитированное выше указание, которое та и огласила. Меншиков же тут ни при чем. Ему, наоборот, выгодно потянуть время, чтобы точно выявить круг своих недругов в среде голштинцев да независимых и понять мотивы, которыми руководствовался Толстой, или Голштинский, или оба вместе, выдвигая на первый план внешне равнодушную к скипетру младшую дочь Петра Великого. Но принцесса помешала князю докопаться до сути, и тому в мае и в июне придется высылать оппозиционеров из столицы в провинцию под видом разных государственных поручений, а не по приговору суда.

Более суток подъячие корпели над судебными бумагами. К двум часам пополудни 6 мая «сентенции» легли на стол следователей. Те ознакомились с ними, утвердили и в третьем часу повезли в Зимний дворец. Государыня, находясь на смертном одре, не уклонилась от аудиенции, но вряд ли внимательно слушала чтеца. Доклад, скорее всего, принимали два человека – А.Д. Меншиков (официально) и Елизавета Петровна (неофициально), которая и подписала страшный для Толстого и Девизера вердикт: первого с сыном Иваном заточить в Соловецкий монастырь, второго бить кнутом и отослать в Сибирь. Соучастников ожидала более мягкая кара (кроме Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева: генерала-артиллериста также высекли и отправили на восток). Бутурлин и Нарышкин отделались отъездом в деревню; Ушаков и Долгоруков – переводом на менее престижные места службы [17].

Императрица после приема шести судей прожила не более трех-четырех часов. Состояние царицы 2 мая заметно ухудшилось. Мучительный кашель и лихорадку усугубил нарыв («фомика»): «по великому кашлю прямой гной в великом квантитете почало Ее Величество выплевывать». Врачи констатировали какое-то «повреждение в лехком», от которого пациентка и скончалась. Однако, невзирая на страдания, остаток жизни мать посвятила любимой дочери, не отлучавшейся от нее весь день. Анна и Карл Голштинские накануне (в среду или в четверг) выехали за город. Утром в субботу за ними, разумеется, послали. Под вечер супруги возвратились в Петербург, и герцог, озабоченный тем, к кому и как перейдет российский престол, вступил в контакт с Меншиковым. Эти два человека при посредничестве Геннинга Бассевича и отыскивали золотую середину: Петр Алексеевич становится императором и женихом Александры Александровны Меншиковой; Анна Петровна с потомками наследует отроку; Елизавета Петровна будет третьей в очереди. Затем Александр Данилович с кратким экстрактом тестаменты (переписать документ целиком не успевали) прошел к государыне.

Их было трое в спальне – императрица, цесаревна и князь. Светлейший долго и бесплодно умолял Екатерину апробировать компромиссный вариант, апеллируя к чаяниям народным и угрожая междоусобной войной. Никакого эффекта. Министр даже встал на колени. Тоже напрасно. Но отступать Меншиков не имел права, и он продолжал звать к здравому смыслу жены Петра Великого. И в какой-то миг красноречие подданного одержало верх над женским упрямством. Монархиня все-таки одобрила проект. Со вздохом облегчения князь поднялся и протянул завещание Елизавете. Та беспрекословно в последний раз скрепила текст закона именем матери. Только не стоит думать, что российский престол от политических потрясений спасла патетика царедворца. Вельможа покинул бы опочивальню, несолоно хлебавши, не заметь Екатерина, как Лиза из-за спины опустившегося на колени просителя подает глазами или кивком головы знак: соглашайся!

Почему «сердце мое» замешкалось с сигналом? Завещание ее вполне устраивало. Но не статья о помолвке Петра с дочкой Меншикова. Как сорвать обручение и при этом не поссориться с Александром Даниловичем? Вот что, наверное, волновало Елизавету в те несколько минут. Новая комбинация родилась, по обыкновению, быстро. И прелестница тут же освободила матушку от взятых на себя почти два года назад обязательств...

Неизвестно, удалось ли еще Екатерине с Елизаветой побыть наедине вдвоем и прежде, чем проститься навсегда, поговорить друг с другом. Если да, то пожалела ли матушка дочь? Посетовала ли на неудачу? Поклялась ли Лизанька ей рано или поздно достигнуть заветной

цели и короноваться в Москве? Мы не знаем. Около девяти часов пополудни 6 мая прачка, волею Провидения превратившаяся в царицу огромной империи, «с великим покоем переставилась». Преставилась, не догадываясь о том, что через пятнадцать лет окажет дочери неоценимую услугу, куда более существенную, чем оформленный на нее testament... Между прочим, в тот тяжелый для цесаревны день произошло малозаметное и тем не менее поистине символическое событие – с утра 6 мая в течение суток в Зимнем дворце Петра Великого в карауле капитана лейб-гвардии Семеновского полка Петра Васильевича Чичерина дежурил молодой офицер лет тридцати – фендрик (прапорщик) 3-й роты Иван Никифорович Рудаков. Разве мог кто-либо в те трагические часы предвидеть, что именно ему – семеновскому капитану-поручику и командиру дворцовой охраны – 24 ноября 1741 года осиротевшая принцесса поручит обеспечение беспрепятственного проникновения в Зимний дворец Анны Иоанновны отряда преображенцев в триста штыков, возглавляемого самой Елизаветой... [18]

* * *

7 мая в девятом часу пополуночи в Большом (Кавалерском) зале Зимнего дворца в присутствии генералитета и статских чинов князь Меншиков распечатал конверт, вынул из пакета завещание императрицы (полный экземпляр, снабженный, похоже, аналогичной подписью Елизаветы) и вручил документ действительному статскому советнику Василию Васильевичу Степанову. Сотрудник Иностранной коллегии зачитал пожелание государыни, после чего придворные и сановники присягнули на верность мальчику-царю. Многие, вероятно, в то славное мгновение порадовались торжеству справедливости в надежде под скипетром Петра II зажечь в мирной и благоденствующей России. Наивные, они, конечно, и не подозревали, что с кончиной Екатерины завершён лишь первый раунд смутного времени. А впереди – свыше четырнадцати лет нестабильности и переворотов, которым положит конец воцарение той, кого сейчас большинство пока отвергает.

Но, несмотря на полное одиночество, амбициозная девица прекращать борьбу за власть не намеревалась. Смерть матушки не внесла серьезных корректив в прежние замыслы: предотвращение помолвки императора, выпроваживание в Германию епископа Любекского, венчание в церкви с родным племянником и управление в качестве жены или вдовы царя российским государством. Правда, без матери срыв обручения Александры Меншиковой с августейшим отроком становился задачей весьма нелегкой. Светлейший князь считал недостаточной поддержку собственной семьи, младшей цесаревны и Остермана, опасаясь коварства со стороны новых союзников – Голицыных, Головкиных, Долгоруковых, и торопился обменять кольца четырнадцатилетней Саше и одиннадцатилетнему Петру. В небеспочвенности страхов Меншиков, пожалованный 12 мая в генералиссимусы, убедился довольно скоро. Кто-то захотел расстроить помолвку дочери с императором. А иначе зачем активизировался прусский посланник Мардефельд, предлагая царю выбрать невесту из принцесс династии Гогенцоллернов? Дипломат близок к герцогу Голштинскому. Неужели зять Екатерины вредит исподтишка?!

12 мая отец светлейшей княжны пообщался коротко с агентом Фридриха-Вильгельма I. Встреча была явно не из приятных, ибо затем Александр Данилович испытал потребность постоять «у тела Ея Императорского Величества», «ходить по палатам» взад-вперед, а под конец пойти к Елизавете Петровне и просидеть у нее целый час. И, похоже, именно по совету хитрой девушки друг царской семьи 13 мая устремился на Васильевский остров и два часа распоряжался подготовкой княжеского дворца к приему высоких гостей. 14 мая он привез государя с сестрой к себе с ночевкой на пробу. А вечером 16 мая по окончании церемонии погребения первой императрицы оба царственных подростка перебрались на жительство в меншиковские апартаменты. Цесаревна тоже получила приглашение поселиться во дворце

Светлейшего, не преминула присоединиться к веселой компании и в третьем часу пополудни 16-го числа отобедала вместе с племянниками и домочадцами князя за общим столом.

Идиллия в усадьбе генералиссимуса – обеды и ужины в узком семейном кругу, прогулки по парку и набережной (по-весеннему солнечная и теплая погода благоприятствовала тому), беседы и забавы – продлилась два с половиной дня. 19 мая Елизавета покинула радушного хозяина. Жених заболел оспой, и ей, публично обещавшей никому, кроме Карла-Августа, не отдавать руки и сердца, пришлось вернуться на Адмиралтейский остров и сутки ухаживать за угасавшим принцем. 20 мая юноша скончался, и принцесса с сестрой и братом покойного уехала в Екатерингоф на двухнедельный карантин. А тем временем 25 мая во дворце на Васильевском (с 17 мая Преображенском) острове при множестве свидетелей Феофан Прокопович обручил Петра Алексеевича с Марией Александровной[19].

Это не оговорка. У архиепископа Новгородского драгоценное кольцо взяла не Александра, а Мария Меншикова, хотя на протяжении трех месяцев отец думал обвенчать с царем младшую дочь. Но 21 мая после обеда царь искренне признался Амадею Рабутину, что совсем не желает жениться, а ледяная красота Александры вообще вызывает у него отвращение; старшая, Мария, ему тоже противна, однако ж «не так сильно». Австриец, естественно, предупредил Светлейшего о царских предпочтениях, и тот на ходу произвел рокировку. Во вторник 23 мая Андрей Иванович Остерман в Верховном Тайном Совете произнес имя Марии, испрашивая согласия правительства на брак Меншиковой с императором. Возражений никто не представил, екатерингофские «узники» в том числе, и в четверг мечта соратника Петра Великого отчасти сбылась.

Впрочем, нет. Одно возражение все-таки прозвучало. Узнав вечером 23 мая о выборе Петра II, Елизавета Петровна что-то придумывает, зовет Бассевича, беседует с ним и утром 24 числа посылает министра в Петербург с таким письмом на имя Меншикова:

«Светлейши[й] князь.

Хотя б желала вас самага видить и [о]бо всем переговорить, но, понеже, вам известно, случай меня до сего не допускает, чтоб могла вас видеть, того ради, можете быть известны чрез господина графа Басавича, о чем оной будет предл[а]гать. Изволте и быть вероятны, что оною мою камисию верно я выше означенному графу Басовичу поручила. Ва чем надеюсь, что о Ваша Светлость сего не оставите, ибо во оном весьма благонадежна, понеже во всех моих делах от вас оставлене не была никогда. В чем и ныне без сумнения остаюсь. Елисавет. Маия в 24 день 1727 году».

К сожалению, триумфатор дверь парламентару не отворил. Тот контактировал с группой риска. Не дай Бог, подцепил сам оспу и заразит императора! Пусть потерпит немного. Попытки голштинского министра пробиться к Данилычу вечером в среду или в четверг утром успехом не увенчались. А после трех часов пополудни 25 мая стучаться в ворота дворца было поздно. Так Александр Меншиков, не сознавая того, фактически подошел к краю пропасти. Ведь Елизавета Петровна неспроста приезжала к нему погостить. И происки Мардефельда – отнюдь не случайность. Дочь Петра Великого во избежание лобового столкновения с первым соратником батюшки постаралась в те майские дни аккуратно дискредитировать в глазах Петра Алексеевича Александру и Марию Меншиковых. А чтобы нащупать слабые места двух, бесспорно, красивых и слегка застенчивых (отсюда – обвинения в холодности) девушек, требовалось понаблюдать за ними в быту, то есть в привычной для них домашней обстановке. Как видим, за двое суток цесаревна в значительной степени преуспела в реализации отчаянной комбинации. Уже около полудня 18 мая Наталья Алексеевна по секрету шепнула Рабутину (с девяти тридцати до десяти часов пополуночи австриец поздравлял с восшествием на престол государя; затем посетил великую княжну) о «сильнейшей» неприязни, которую брат питает к собственной невесте. Причем ранее ни о чем подобном посол от детей не слышал. Да, не заболел епископ Любекский

оспой, семнадцатилетняя тетушка обратила бы в свою веру племянника, и помолвка никогда бы не состоялась. Мальчик набрался бы храбрости для вежливого отказа князю[20].

Однако человек предполагает, а Господь располагает! Вынужденная отлучка принцессы на левый берег Невы и провал миссии Бассевича позволили Меншикову совершить обряд обручения, и перед Елизаветой вновь маячил тяжелый выбор: либо еще один шаг к власти, либо благополучие близкого тебе лица. Это больше всего угнетало цесаревну. Толстого она мало знала. А с Александром Даниловичем ее многое связывало. Девочка выросла подле него, часто заменявшего ребенку отца. Князь воспитывал, игрался с нею, баловал... Как же теперь поднять руку на дорогого и родного человека?! А с другой стороны, Елизавета – политик от Бога – наделена редким природным даром, способным обеспечить высокую эффективность управления государством. И неужели из-за жалости к Меншикову екатерингофская затворница должна зарыть в землю уникальный талант и зачахнуть от тоски?! Не напрасна и разумна ли такая жертва?! Но все же у красавицы не хватило духу переступить через старого друга семьи.

Мораль одолела честолюбие, и в итоге по возвращении в столицу дочь Петрова впала в депрессию, которая выразилась в лихорадочном желании выйти замуж за кого угодно и тотчас умчаться куда-нибудь за границу. Бассевич подкинул идею сочетаться с Адольфом-Фридрихом – братом Карла-Августа. Цесаревна откликнулась на инициативу благосклонно, посулила тайному советнику пост гофмаршала, а гувернеру скончавшегося жениха, барону Бэру, – гофмейстера у себя при дворе. Потом, правда, «по некоторым уважительным причинам» (министры вроде бы возмутились назначением в управляющие иноземца, да к тому же беспокойного Бассевича) кандидатуру преемника епископа Любекского отклонили. Бассевич ушел назад к герцогу, а Бэр по выписанному 20 июня (1 июля) Иностранной коллегией паспорту выехал в Германию. Между тем возле Елизаветы закрутился новый сват – Мардефельд, которого, кстати, также взбудоражил Бассевич. Посланник расхваливал сына маркграфа Альберта Бранденбургского. А девице без разницы. Карл, так Карл. Она не против и разрешает прусскому дипломату договариваться об условиях брака с будущим свекром и российскими министрами. Герцог Голштинский намерение свояченицы «сродниться с могущественным домом» одобряет. Та же ведет замкнутый образ жизни в Летнем дворце, покидая убежище изредка и, как правило, в компании сестры (11 и 14 июня Анна и Лиза навестили Меншикова; 12 и 17 июня князь сделал ответные визиты). Общество объясняет меланхолию жизнерадостной принцессы печалью по несчастному принцу Этинскому. Героиню светских сплетен такие толки вполне устраивают[21].

Хандра у Елизаветы продлится до конца июня, после чего цесаревна, словно очнувшись от спячки, возобновит борьбу за российскую корону. Что повлияло на пересмотр прежней позиции и послужило основанием для объявления войны Светлейшему? Вопрос сложный. Скорее всего, отшельницу шокировал масштаб репрессий, которые князь обрушил на оппозицию, разоблаченную им в апреле не без помощи цесаревны. Из-за нее ни в чем не повинные люди терпели притеснения. Ей, следовательно, надлежало вмешаться, свалить беспощадного Голиафа, прекратить вакханалию ссылок и разжалований, а попутно расторгнуть ненавистную помолвку Петра и Марии.

* * *

Александр Данилович действительно перегнул палку. Толстым, Девизером, Бутурлиным, Скорняковым-Писаревым, Нарышкиным, Ушаковым и Долгоруковым не ограничился. Екатерина закрыла судебное производство слишком рано. До того как он сумел распутать все нити заговора и добыть весомые улики на каждого (очевидно, Петр II не пожелал возобновлять допросы и пытки). В то же время процесс Девизера наглядно продемонстрировал, насколько

непопулярен баловень судьбы среди сотоварищей и подчиненных. Даже приятель Алексей Васильевич Макаров осмелился возроптать. Чего же тогда ожидать от прочих? Новых интриг и комплотов?! Тут хочешь не хочешь, а нужна серьезная профилактическая мера – выборочная чистка госаппарата, под которую попадут те, кто по должности близок к императору, – придворные, учителя, члены царской семьи, крупные сановники...

Первым разгрому подвергся кружок подруги Екатерины – Аграфены Петровны Волконской. 27 апреля Егор Иванович Пашков – фактический агент Светлейшего при княгине, которому патрон давно наказал шпионить за Толстым, – донес со слов хозяйки салона о намерении Петра Андреевича пожаловаться царице на самоуправство и высокомерие Меншикова. Неблагонадежную компанию прикрыли в течение недели. Императрица допрашивать Волконскую запретила. Зато согласилась на удаление влиятельной женщины в подмосковную деревню. 2 мая ей вручили подорожную. Затем учинили обыск. Меншиков рассчитывал раскопать в бумагах что-либо на трех конфиденентов знатной дамы – С.А. Маврина, А. Петрова (Ганнибала) и И.А. Черкасова. Два других завсегдатая княжеского дома – Е.И. Пашков и А.Б. Бутурлин (камер-юнкер с 1 января 1727 года; человек Елизаветы Петровны) – князя не интересовали.

Однако в документах ничего предосудительного не нашли. Поэтому троицу выдворили из Петербурга под видом важных служебных командировок. Абрам Петров – учитель математики великого князя – 8 мая получил задание проинспектировать Казанский кремль. В июле арапа отослали еще дальше – в Тобольск, строить на границе с Китаем какую-то крепость. Степан Маврин – предшественник Остермана на посту главного педагога Петра Алексеевича – отправился вслед за инженером в Сибирь, к новому месту назначения. Кабинет-секретаря Ивана Черкасова 23 мая Меншиков разжаловал в обер-секретари Синода и спровадил в Москву описывать ризницу патриархов. По-видимому, Александр Данилович подозревал Ивана Антоновича в дурном влиянии на начальника – Алексея Макарова. Тайного советника Светлейший наказал мягко: упразднив Кабинет Ее Величества, облагодетельствовал менее престижным президентством в Камер-коллегии (8 июня, ориентировочно, первый рабочий день нового налогового министра). Впрочем, отношения с ним не разорвал, приглашал иногда к себе побеседовать, а то и посидеть за обеденным столом. Вероятно, чиновника настигла временная немилость, и по прошествии определенного срока его положение восстановилось бы.

21 мая очередь проститься с Двором наступила для Франца Матвеевича Санти. Обер-церемониймейстера (частое общение с монархом – прямая обязанность знатока этикета) подвела дружба с Толстым. В результате – ссылка в Сибирь, хотя сперва планировалась короткая отлучка в Москву, дабы «собирать в тамошних архивах все государственные и провинциальные гербы для сочинения генерального государственного гербовника». Но вот примечательный штрих. Генералиссимуса не вполне удовлетворяли допросные листы Петра Андреевича. Засомневался Меншиков в том, что советник императрицы и есть личность, морочившая ему голову. А у кого прояснить истину, как не у конфиденца вчерашнего сенатора, члена Верховного Тайного Совета. И 28 мая Светлейший пишет опальному пьемонтцу почти подобострастное послание: «Господин граф Сантий!

Его Императорское Величество указал за вящее ваше в важном деле подозрение послать вас в сылку в Сибирь. Того ради надлежит тебе ныне по чистой своей совести объявить, какие у тебя с Петром Толстым советы и подозрительным писмам переводы и сочинения о важных делах подозрительных писем были, и кто к нему из россиян или из ыностранцов приезжали и о каких важностях объявляли, и какие советы имели. Ежели ты сие наше предложение за благо примешь, то мы тебя обнадеживаем Его Императорского Величества милостию, что вы и для освобождения о[т] той ссылки будете возвращены и в первое свое достоинство возведены или вящею честью пожалованы, в чем обязуюся под нашим ковалерским паролем. Токмо ты все объяви, что можешь припомнить, без всякой утайки и, о том написав, к нам письмо, не объявля никому, запечатав, пришли с сим нашим посланным куриэром».

Естественно, в подобной редакции письмо к Санти не отправилось. 31 мая в Вышнем Волочке Франц Матвеевич прочтет более расплывчатое окончание: «...Ежели ты сие наше предложение за благо примешь, то мы тебя обнадеживаем Его Императорского Величества милостию, и для освобождения тебя из ссылки и о возведении [в] свое достоинство я буду наивысшее старание прилагать у всех наших господ министров и надеюсь с Божиею помощью такую тебе милость исходатайствовать». Изгнанник ответил следующее: «...Я часто у него бывал... как перевотчик между им и господином графом Басевичем... Прежде болезни 10 или 12 дней Ея Императорского Величества... граф Басевич прислал меня просить, чтоб я в вечеру у Толстого был, где он хотел иметь секретную конференцию. Я по той прозбе туда пришел, и господин Басевич начал сказывать, что ево государь герцог у Ея Величества выше будет, нежели Светлейший князь и что намерение ево государя разорить Светлейшего князя, понеже обнадежен от Ея Величества, что в день его рождения генералиссимусом пожалован будет. Я божуся, что Толстой на то ответствовал, что он обнадежен, что о разорении Его Светлости Ея Императорское Величество никогда опробовать не изволит, и что до чина генералиссимуса касается, он сомневается, что не так скоро может зделаться, как он думает...» Московский губернатор Иван Федорович Ромодановский, повстречавшись с герольдмейстером 3 июня, добавил от себя: «... Санти королевского высочества о интересах и о партикулярных его королевского высочества делах переводил с Петром Толстым да с вышепомянутым графом Басовичем»[22].

Судя по всему, корреспонденция, привезенная в первых числах июня из Вышнего Волочка и Москвы в Петербург, окончательно убедила Меншикова в необходимости выгонять из России голштинское семейство. Еще накануне обручения дочери с царем Светлейший в беседе с Вестфаленом (реляция от 20/31 мая) так охарактеризовал закулисные интриги хитрого старика: «Толстой – эта собака – хотел возвести на престол Анну Петровну, между тем, как герцог [Голштинский] сделался бы королем Швеции». Исповедь Санти подкрепила догадку весомым доказательством: граф и герцог вели секретные переговоры тет-а-тет, и, похоже, шумной возней вокруг Елизаветы Петровны Карл-Фридрих в компании с Толстым пытался отвлечь Данилыча от подлинных намерений немецкой партии – провозглашения Анны Петровны преемницей Екатерины.

Но спасибо младшей цесаревне, вовремя предостерегла. И не зря Толстой перед судьями разглагольствовал про Лизу. Думал направить их по ложному пути. Сорвалось. Подельники раскололись и выложили правду. В общем, герцога нужно непременно выжить из страны. Тут все средства хороши: и финансовое давление, и неприязненное отношение родовитой знати, и откровенный шантаж. Да, генералиссимус не побрезговал им, стремясь поскорее проститься с голштинцами. Карлу-Фридриху через Басевича и «верховников» ясно дали понять: либо супруги спешно пакуют чемоданы и отплывают в Германию, либо в Петропавловской крепости найдется камера для августейшего государственного преступника, уличенного Девизром.

Муж Анны Петровны предпочел не искушать судьбу. 27 июня голштинские министры Басевич и Штамбке внесли в Верховный Тайный Совет промеморию об условиях отъезда герцога из империи на родину. 30 июня российское правительство согласилось с ними. 25 июля молодая чета на яхте под орудийный салют адмиралтейских и петропавловских бастионов покинула Петербург. А месяцем ранее, 29 июня в шестом часу вечера, Елизавета Петровна в свите императора участвовала в спуске на воду сточетырехпушечного корабля «Петр I и Петр II», после чего до ночи веселилась вместе со всем Двором в резиденции государя на Васильевском острове. Кстати, в тот день – тезоименитства царя – Александра Меншикова наряду со старшей сестрой получила все-таки запоздавшую кавалерию – орден Святой Екатерины. 12 июля младшая цесаревна – вновь во дворце Меншикова: празднует и поздравляет с днем рождения Наталью Алексеевну. Третий визит в дом хворавшего с 22 июня князя – 16-го числа. На сей раз тетушка вместе с племянниками просто навещает идущего на поправку вельможу. Наконец, 18 и 23 июля после продолжительного перерыва дочь Петра Великого приезжает к

Александру Даниловичу без свидетелей и общается с ним в общей сложности два с половиной часа. О чем, неизвестно. Однако надо отметить любопытную деталь: вскоре в отношениях Остермана и Меншикова возникает какая-то напряженность.

Между тем уже уволен с поста царского учителя латинского языка венгр Иван Алексеевич Зейкин (10 июля). Шталмейстер Артемий Петрович Волынский – сторонник Анны Петровны – определен в Украинскую армию (уехал 7 августа), ибо с прикомандированием генерала к отъезжающим голштинцам вышла накладка. Должность российского министра в Киле, которую прочили Волынскому, выпросил себе Бассевич. Петр Павлович Шафиров (соперник вице-канцлера, хотя и президент Коммерц-коллегии) переведен из Москвы в Архангельск (19 июня). Отставлен авторитетный сенатор Андрей Артамонович Матвеев (12 июня). Отозванный из Стокгольма за критику Светлейшего Василий Лукич Долгоруков назначен киевским губернатором (12 июня; указ зачитан посланнику 21 июля). Генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому предписано в августе следовать на Украину (уедет 14 августа)... [23]

* * *

Наверняка из оцепенения Елизавету Петровну вывела весть об оскорбительном ультиматуме, которым генералиссимус поверг в уныние герцога Голштинского. Конечно, пребывание сестры в отчизне супруга, а не в России, ей выгодно. Только грубый нажим на зятя Петра Великого, безусловно, не мог обрадовать младшую дочь императора. Впрочем, бесцеремонное обращение с высочайшей фамилией имело один плюс. Оно фактически освобождало принцессу от угрызений совести, которые в мае помешали осуществлению давно разработанного плана. Елизавета месяц назад предоставила Александру Даниловичу шанс возвыситься за ее счет. Тот жертву не оценил и, позабыв о деликатности, ринулся напролом. Что ж, пусть теперь пеняет на себя. Соперница, благодаря неосторожности Меншикова, обрела моральное право на реванш, и она обязательно воспользуется ситуацией, а кроме того, поможет обществу избавиться от страха, вызванного необоснованными репрессиями.

На исходе июня дочь Петрова вернулась на политическую сцену. Сроки удачно совпали с окончанием траура по Карлу-Августу Любекскому. Отныне красавица частенько сопровождает государю и великой княжне. Первым тенденцию уловил саксонец Лефорт. 1 (12) июля дипломат отрапортовал в Дрезден: «Царь оказывает много привязанности к... Елизавете, что подает повод к спору между ним и сестрою». Венценосный подросток не сводит глаз с жизнерадостной, грациозной и умной тетушки и в кратчайший срок всецело покоряется родственнице, которой, в принципе, незатруднительно убедить Петра в политической целесообразности падения Меншикова. Монарх не сразу, но послушает даму сердца, и помолвка с Марией Александровной тотчас расстроится.

Однако тогда спасительница Отечества раскроет себя. Окружающие поймут, насколько сильно зависит от нее отрок, и никогда не поверят в каприз внука Петра Великого, по собственной воле берущего в жены дочь царя-реформатора. А Елизавете нужно, чтобы поверили. Поверили и посочувствовали своей будущей императрице. Вот почему цесаревна не торопилась реализовать преимущество. Девушка искала кого-нибудь, кому низвержение Голиафа также по плечу, а лавры победителя – не в тягость. Выбор был невелик. По влиянию на Петра II с Елизаветой могли сравниться лишь два человека – великая княжна Наталья Алексеевна и Андрей Иванович Остерман. Причем оба являлись искренними почитателями и приверженцами Светлейшего. Наносить удар исподтишка они вряд ли бы захотели. Предприимчивая заговорщица прекрасно поняла это, понаблюдав за их реакцией на брошенные ею невзначай провокационные фразы. Ну что ж, раз княжна с министром не горят желанием ополчиться на Меншикова, придется самого уязвимого из блистательной пары заставить вступить в поединок с князем. О ком речь? О вице-канцлере, разумеется.

Воспитатель за пять месяцев так сдружился с подопечным, что мальчик стал очень высоко ценить мнение Андрея Ивановича. Как верно обрисовал обстановку Лефорт в депеше от 10 (21) июня, государь с сестрой и педагогом образовали некий «триумвират, не всегда исполняющий внушения Меншикова». В июле триумвират превратился в квартет, в котором первую скрипку по-прежнему играл Остерман. Между прочим, досужие басни Миниха, Манштейна и лже-Вильбуа о петергофских оргиях летом 1727 года в компании с бесшабашным Иваном Долгоруковым и распутной Елизаветой Петровной – чистая ложь. С 10 июня (дня возвращения в Петербург из первой поездки в Петергоф, куда Двор уехал 25 мая) по 20 августа 1727 года царь никуда из столицы не отлучался и, как свидетельствуют реляции дипломатов, помимо сестры, тетушки и гофмейстера, никого «не допускал к участию в своих прогулках и иных развлечениях». Невеста Мария Александровна пользовалась высочайшей благосклонностью в июне. С июля же кредит дочери Меншикова стремительно уменьшился, свидания сократились. Зато доверие к вице-канцлеру продолжало неуклонно расти.

Кто кроме Меншикова с середины мая через гофмаршала Шепелева или напрямую от имени императора распоряжался казной Дворцовой канцелярии? Остерман. Чей приказ выполнял А.В. Макаров, отдав 7 июня печать ликвидированного Кабинета почт-директору Ф. Ашу? Остермана. Вроде бы мелочи, но мелочи симптоматичные[24]. Политический вес немца вполне мог уже соревноваться с могуществом самого генералиссимуса, который в первый летний месяц тяжело заболел. С началом 26 июня жестокого припадка князь продиктовал завещание, в коем рекомендовал государю «быть послушным обер-гофмейстеру господину барону Остерману». Утром 29 июня пациент почувствовал облегчение, спустя четыре недели полностью излечился. Однако мучительный недуг, вероятно, помешал Меншикову, которому везде мерещились враги, разглядеть в вице-канцлере опасного конкурента. Ничего. Еще было не поздно обратить внимание Светлейшего на досадный промах.

18 июля во второй половине дня Елизавета Петровна по дороге в апартаменты Петра II свернула в комнату хозяина дворца и два часа беседовала с ним. Естественно, цесаревна не обвиняла барона ни в каких прегрешениях. Несколько минут посвятила разделу имущества матери между нею и сестрой (18 июля Верховный Тайный Совет сформировал соответствующую комиссию во главе с А.В. Макаровым). Затем Меншиков наверняка поинтересовался, чем занимается царь, пока тесть лежит в постели, об успехах отрока в учебе. И гостя честно поведала собеседнику о забавах, играх и прогулках двух детей под присмотром двух взрослых, о непререкаемом авторитете Андрея Ивановича, к которому царь сильно привязался, о глубокой симпатии брата и сестры к вице-канцлеру. В общем, Александру Даниловичу не стоило беспокоиться. Петр Алексеевич в надежных руках!

Предположительно в таком русле протекала встреча князя с принцессой во вторник 18-го числа. И очевидно, слова девушки попали в точку. Меншиков занервничал. 20 июля Дворцовая канцелярия по ордеру Остермана, озвученному Шепелевым, отпустила обер-камердинеру Александру Кайсарову две тысячи рублей «для всякого домовного расхода» Его Императорского Величества. Именно Кайсарову Меншиков чуть позже «дал письмо, дабы без подписания моего расходов не держать». Слуга подчинился. Но другой обер-камердинер, Иван Кобыляков, судя по всему, повеление генералиссимуса всерьез не воспринял и платил по счетам, не обращаясь к вельможе за санкцией. Кара тут же настигла придворного, которого 17 августа князь приказал «за многие ево службы и походы в награждение написать в ранг мазорской... и... в дворцовые ладожские рядки к зборам дворцовых крестьян доходов... отправить... немедленно». Наряду с Кобыляковым в опалу угодили конюхи Кузьма Теремицкой и Яков Суворовцев. Так вот. 23 августа Дворцовая канцелярия конюхов отчислила, а обер-камердинера – нет. Лефорт объяснил, почему: за несчастного вступился Петр II.

Догадывалась или не догадывалась цесаревна, за какую струнку нужно потянуть, однако вторжение вице-канцлера в финансовую область в первую очередь разозлило Светлейшего. И

тот не постеснялся несколько раз отчитать Петра Алексеевича с Остерманом за растратирование денег, которое обер-гофмейстеру следовало заранее пресекать. Мальчик, конечно, обижался. Но сестре и воспитателю сперва удавалось гасить высочайший гнев. Елизавета в конфликты не вступала, выбрав позицию стороннего наблюдателя. Умение барона умиротворять царя, видимо, еще больше раздражало и настраивало Меншикова против старого товарища. Не нарочно ли союзник потакает капризам ребенка и добивается его любви столь дешевым способом? Не затевает ли чего хитрый немец? Эти вопросы, несомненно, волновали генералиссимуса. Только опереться гипотетическим подозрениям было не на что, и Александр Данилович решил проявить терпение, подождать, как будут развиваться события. Тем более что ближе к осени государь надумал посвятить две недели охоте и отдыху за городом[25].

17 августа Меншиков выехал из Петербурга в Ораниенбаум. Царская семья покинула столицу 20-го числа. В то же воскресенье князю вручили от вице-канцлера очень важное для нас письмо: «Сего момента получил я Вашей Высококняжеской Светлости милостивейшее писание от 19-го. Его Императорское Величество радуется о счастливом Вашей Высококняжеской Светлости прибытии в Ораниенбом и от сердца желает, чтоб сие гуляние Ваше дражайшее здоровье совершенно возстановить могло. Еже и мое верное всепокорнейшее желание есть. В мызу графа Гаврила Ивановича отправлено было отсюда для караулу, но я сего часу послал их контрамандировать. Что до свадьбы графа Сапеги принадлежит, то, как жених, так и невеста просят сроку до возвращения общаго из Петергофа, сказывая, что никаким образом управится не могут, и что еще и в Верховном Тайном совете дело не подписано. При сем Вашей Высококняжеской Светлости всенижайше доношу, что Его Императорское Величество намерен завтра после обеда отсюда итти и начевать в Стрелне, а оттуда в понедельник в Ропшу, и надеюсь, что в четвер[т]ок изволят прибыть в Петергоф. И хотя здоровье мое весьма плохое, однакож туды побреду. Вашу Высококняжескую Светлость всепокорнейше прошу о продолжении Вашей Высокой милости и, моля Бога о здравии Вашем, пребываю с глубочайшим уважением... А. Остерман.

В исходе 11-го часу пополудни 19 августа 1727.

И я при сем Вашей Светлости и светлейшей кнеине, и невесте, и своячине, и тетке, и шуруину поклон отдаю любителны Петр».

Меншиков Ораниенбаума достиг в восьмом часу вечера 19 августа. Ответ Андрея Ивановича написан около одиннадцати часов пополудни. Значит, воспитатель взялся за перо сразу по приезде княжеского курьера, не откладывая хлопотную обязанность до утра. Это первое свидетельство того, что Остерман не плел закулисных интриг, а искренне хотел восстановить пошатнувшийся мир с отцом царской невесты. Иначе для чего ему подчеркивать точный час. Достаточно и даты – 19 августа, отчетливо указывающей на завидную оперативность корреспондента. Другой нюанс – короткий собственноручный постскриптум государя. Даже если фраза начертана утром 20 августа, а не на ночь глядя накануне, то и тогда приветствие царя весьма символично. Император, послушный своему педагогу, несмотря на стычки из-за денег и несносный характер Светлейшего, по-прежнему благосклонен к тестю.

21 августа вице-канцлер шлет в Ораниенбаум второе письмо, и тоже максимально быстро, на рассвете понедельника: «Вашей Высококняжеской Светлости милостивейшее писание из Ораниенбома, с пастилионом отправленное, я вчерашнего ж дня во время самого выезда из Санкт-Питербурха в путь исправно получил и Вашей Высококняжеской Светлости за оное всепокорнейше благодарствую. И при сем в скорости Вашей Высококняжеской Светлости токмо сие доношу, что Его Императорское Величество вчерашняго дня ввечеру в 9-м часу, Слава Богу, щастливо сюда прибыть изволили. И сего утра, позавтракав, поедом в Ропшинскую мызу при провождении всей охоты нашей.

Его Императорское Величество писанию Вашей Высококняжеской Светлости весьма обрадовался, и купно с Ее Императорским Высочеством любезно кланяются. А на особенное

писание ныне Ваша Высококоняжеская Светлость не изволите погневаться, понеже учреждением охоты и других в дорогу потребных предуготовлений забавлены. А из Ропши, надеюсь, писать будут. Я, хотя весьма худ и слаб, и нынешней ночи разными припадками страдал, однакож, еду. Дай Боже Вашей Высококняжеской Светлости здравие. А я з глубочайшим почтением пребываю... А. Остерман. Из Стрелиной мызы. Августа 21 дня 1727». Из документа видно, насколько предупредителен и заинтересован в согласии с князем обер-гофмейстер. Кстати, царь не оставил на нем автографа, похоже, по банальной причине. Он в это время еще спал.

Мы можем с большой долей вероятности утверждать: за две недели до разразившейся катастрофы Меншикову ничего не грозило. Остерман искал взаимопонимания. Елизавета держала паузу. Петр зла тестю не припоминал, хотя и не забывал. Генералиссимус с фамилией наслаждался природой в Ораниенбауме. Царь с сестрой и теткой в окружении егерей, сокольничих, кречетников и своры собак развлекался в Ропше. 25 августа обе компании соединились в Петергофе, ради именин Натальи Алексеевны. Торжество в целом прошло нормально, без скандала. Нельзя считать таковым спор императора с Меншиковым из-за П.И. Ягужинского. В Ропше Г.И. Головкин походайствовал за сосланного на Украину зятя. Петр пообещал переговорить с гонителем о генерал-прокуроре и слово не нарушил. Однако князь крайне болезненно отреагировал на заступничество государя, категорически отверг возможность прощения недруга и не без усилий убедил мальчика не упорствовать.

Монарх неохотно принял аргументы тестя. Но неприятный осадок остался. Впрочем, капля за каплей вода камень точит. В течение августа недовольства унижительными нотациями и бесцеремонными придирками накопилось в юной душе немало. Если бы не сестра с Остерманом, гремучая смесь давно бы выплеснулась наружу. К счастью, подросток слушался старших и волю эмоциям не давал. Только всему есть предел. Терпению внука Петра Великого – тоже. Елизавета характеры трех главных персонажей драмы изучила хорошо. Меншиков – корыстолюбив, тщеславен, высокомерен, негибок и упрям. Петр – вспыльчив, отходчив, непоседлив, своенравен и восприимчив к советам людей разумных, прежде всего Остермана – министра очень толкового, осторожного, вежливого и невозмутимого. Поэтому цесаревна ограничилась единичными визитами к Светлейшему (18, 23 июля, 3 и 6 августа) общей продолжительностью в четыре часа, после чего целиком сосредоточилась на оболыщении племянника.

А посеянные принцессой ядовитые зерна проросли сами. Мнительный генералиссимус приревновал вице-канцлера, прямо-таки сроднившегося с царской семьей за период болезни князя (с 22 июня по 26 июля). Мысль о коварстве и вероломстве хитрого немца без всяких к тому оснований прочно засела в мозгу Александра Даниловича. Не без удивления Амадей Рабутин 8 (19) августа констатировал необычные перемены в поведении партнера: «Меншиков сделался особенно раздражительным. Он часто находится теперь в крайне неблагоприятном расположении духа. Со дня на день обращение с ним становится более трудным. Иногда его замечания в беседе с государем бывают слишком резкими. Государь чувствует это. Остерман старается смягчить обострившиеся отношения... ожидая, что Провидение даст всем делам другой оборот».

Мрачное настроение союзника австрийцев и датчан, как и обидные выволочки царю и гофмейстеру за небрежность и чрезмерную щедрость, проистекали из тех мучительных переживаний, которые терзали князя с конца июля: предал или не предал его Остерман? Барон заметил беспокойство партнера, попробовал развеять опасения и сумел отчасти разрядить обстановку. Фаворитку императора это несколько не смутило. До свадьбы Петра и Марии – еще далеко. Подозрительность Меншикова никуда не исчезнет, как бы ни изворачивался воспитатель. Благосклонность жениха к заносчивому отцу невесты потихоньку тает. Рано или поздно обоюдные претензии превзойдут критический уровень, и тогда любая искра станет роковой для Светлейшего. Посему ей волноваться незачем, по крайней мере сейчас, в самом начале интриги.

Между тем до высекования злополучной искры оставалась всего неделя. 30 августа Меншиков в кругу семьи отпраздновал собственные именины. Царь на них не приехал, извинившись занятостью или нездоровьем. Отказ не покорило героя дня и не слишком огорчил. Ведь главное увеселительное мероприятие планировалось провести 3 сентября. На освящение в Ораниенбауме церкви Святого Пантелеймона генералиссимус пригласил многих знатных персон. Государь с компанией тоже собирался присутствовать на церемонии. В воскресенье хозяин приморской усадьбы радушно принимал дорогих гостей – кавалеров в парадных кафтанах с лентами через плечо и дам в сверкающих драгоценностями нарядах. Явились все, кроме первой четверки. Ни очаровательной Елизаветы, ни рассудительной Натальи, ни любезного Остермана, ни энергичного Петра Александр Данилович так и не дождался. Князя публично унизили, а он даже не догадывался, за что схлопотал августейшую «пощечину». После долгих колебаний и совещаний с Алексеем Яковлевичем Волковым – секретарем, казначеем, адвокатом семьи Меншиковых – 4 сентября в пятом часу вечера оскорбленный вельможа отправился в Петергоф выяснять причину высочайшей немилости...[26]

* * *

А никакой высочайшей немилости в действительности не было. И Долгоруковы с Остерманом втайне надменному сановнику опалу не готовили. Правда, Василий Лукич Долгоруков, не желая тащиться в провинциальный Киев, да Гавриил Иванович Головкин, возмущенный изгнанием Ягужинского, попробовали сколотить антименшиковскую коалицию, чтобы провозгласить императора совершеннолетним и под каким-нибудь предлогом избавиться от тирана. Только дальше слов дело не двигалось. Канцлер имел неосторожность поведать о своих планах Остерману, и тот не преминул 21 или 22 августа через Амадея Рабутина предупредить мнительного союзника о происках группы недовольных. Однако посол не увиделся с Данилычем. 28 августа австриец скорпостижно умер, и предупреждение, похоже, не дошло до Меншикова, который 3 сентября пострадал вовсе не по вине тайных злопыхателей, а потому, что в сентябре на работу вышел Александр Кайсаров. По-видимому, два обер-камердинера дежурили во дворце по очереди через каждый месяц. В июле за сохранность имущества и денежной казны отвечал Кайсаров, в августе – Кобыляков. В сентябре вновь наступил черед Кайсарова. Напомню, ему Светлейший велел без собственноручного письменного разрешения никому денег не отпускать. По окончании конфликта князя с царем из-за самоуправства Кобылякова приказ фактически утратил силу. Правда, отдохавшего напарника никто не позаботился о том уведомить. И вот, когда 1 или 2 сентября император запросил через посредника у обер-камердинера энную сумму, тот, сославшись на известное постановление, развернул гонца на сто восемьдесят градусов. Реакция монарха вполне естественна. Как? Меншиков опять взялся за старое?! Историю с Кобыляковым позабыл! Ну, я его проучу!!!

Демонстративная обструкция генералиссимуса 3 сентября шокировала и переполошила многих. Неужели пробил час падения Голиафа?! Ни в коем случае! Царь просто намекнул князю, что с ним шутки плохи, и тем удовлетворился. В седьмом часу пополудни 4 сентября Петр минут пятнадцать общался с встревоженным Александром Даниловичем. Оба быстро осознали: в основе новой стычки – недоразумение. Помирившись, сразу же расстались, не подозревая, что прощаются навсегда. Из царских апартаментов Меншиков «изволил иттить (в тех же палатах) в свои покои и забавлялся в шахматы». Потом поужинал и лег спать.

Утром 5 сентября – в день тезоименитства Елизаветы Петровны – Светлейший проснулся в седьмом часу. Побеседовал с Алексеем Яковлевичем Волковым, обер-гофмейстером цесаревны Семеном Григорьевичем Нарышкиным, гофмаршалом Дмитрием Андреевичем Шепелевым и шталмейстером Родионом Михайловичем Кошелевым. Затем на полчаса уединился в кабинете с верным Волковым. Примерно в десятом часу к отцу царской невесты пожало-

вал Остерман. Спустя час вице-канцлер покинул комнаты князя. Именно в эти шестьдесят минут и навлек на себя печальную участь любимец Петра Великого. Он не затаил обиды на подростка. Но воспитателю, который не удосужился вывести императора из заблуждения, по чьей вине праздник в Ораниенбауме обернулся для организатора позором, пожелал высказать все с абсолютной откровенностью. Кстати, Андрей Иванович посетил Александра Даниловича с той же целью. Предстоял серьезный мужской разговор, по завершении которого генералиссимус и вице-канцлер либо по-дружески пожмут друг другу руки, либо разойдутся смертельными врагами.

Предоставим слово современникам. Отрывок из депеши А. Мардефельда от 12 (23) сентября: «Я только недавно узнал весьма секретным и достоверным образом, что именно больше всего способствовало его [Меншикова] падению. А именно. Из зависти большого расположения императора к барону фон Остерману князь намеревался низвергнуть последнего. Так как он не мог найти ничего, за что придраться к Остерману, то... и обвинял его в том, что он препятствует императору в частом посещении церкви, что нация этим недовольна, ибо она не привыкла к такому образу жизни своего монарха, что Остерман старается воспитывать императора в лютеранском вероисповедании или оставить его без всякой религии, так как он сам ни во что не верит. Хотя Остерман и назначен был воспитателем великого князя, но с тех пор, как последний стал императором, он уже не может больше занимать этой должности. Наконец, князь намеревался в этом деле привлечь на свою сторону духовенство. Когда же Остерман в Петергофе хотел объясниться с князем Меншиковым и ему представил все вышесказанное, князь разгорячился и думал его испугать своею властью. Он ему повторил опять то же обвинение, обругал его атеистом и спросил его, знает ли он, что он (Меншиков) его сейчас может погубить и сослать в Сибирь. Тут не воздержался барон фон Остерман и наговорил ему много сурового и, между прочим, сказал ему, что князь ошибается, полагая, что он в силе сослать его в Сибирь. Он же барон в состоянии заставить четвертовать князя, ибо он и вполне заслуживает того».

Саксонец И. Лефорт в реляции от 9 (20) сентября более лаконичен: «Чтобы погубить Остермана, Меншиков выговаривал ему, что это он наущает царя принять иностранную веру, за что он велел бы его колесовать. Нетрудно было оправдаться. Остерман отвечал, что за его поступки его нельзя колесовать, но он знает, кого следовало бы этому подвергнуть»[27].

Итак, мнимые соперники не помирились, а вконец разбранились, сдобрив оскорбления угрозами ссылки и четвертования. Значит, теперь Петру Алексеевичу придется выбирать между педагогом и тестем. Безусловно, вице-канцлер из покоя Меншикова немедленно зашагал к царю, посетовал мальчику на скверный, взбалмошный нрав Светлейшего, поведал свою версию скандальной перепалки и предложил юному арбитру избавиться от одного из них, ибо отныне двум медведям – русскому и немецкому – в государевой берлоге не ужиться. Петр II предпочел сохранить рядом барона. Тотчас в Петербург помчался курьер с предписанием в кратчайшие сроки перевезти вещи императора из дворца Меншикова в Летний дворец, где жила Елизавета Петровна.

Александр Данилович в отличие от Остермана словесной дуэли большого значения не придавал и о мщении, по крайней мере в тот момент, не помышлял. Незадолго до полудня Меншиков, отобедав у себя, заглянул на половину монарха, желая откланяться ему перед отъездом в Петербург. К сожалению, августейший отрок уже ускакал со свитой на охоту. Мария Александровна навестила Наталью Алексеевну, не обнаружив великой княжны на месте. Тогда Меншиков спустился вниз, сел в карету и поехал со всей семьей в столицу, вовсе не предчувствуя беды.

Спасти князя попытался единственный человек – Наталья Алексеевна. Дважды она обращалась к Петру с призывом не рубить сплеча, встретиться и выслушать точку зрения противника Остермана. Добрая девушка не понимала, что брат не мог так поступить, даже если бы

захотел. Вице-канцлер очертил ситуацию честно и точно. Судя по майско-июньским расправам с оппонентами, Светлейший, рассорившись с вестфальцем, не угомонится, пока не уничтожит воспитателя. И царю лучше тут же поддержать князя или в зародыше пресечь его вероятную атаку на барона. Что делать? Император генералиссимуса недолюбливает. Мария ему не нравится. Зато Андрея Ивановича мальчик очень уважает. А кроме того, Петр без ума от прелестной тетушки. Разве способен Меншиков парировать эти доводы какими-либо более весомыми аргументами? Нет. Следовательно, аудиенция с ним бессмысленна, а отставка и ссылка сановника неминуемы.

В пятом часу пополудни экипаж генералиссимуса добрался до дворца на Васильевском острове. А вскоре владельцу особняка сообщили, что из Петергофа примчался нарочный с распоряжением срочно перенести царские уборы и утварь в Летний дворец. Лишь в то мгновение Светлейшему открылась истина: с легкой руки Остермана он в опале и, похоже, дела совсем плохи. Утром 6 сентября под надзором вызванного из Петергофа Александра Кайсарова слуги забрали из дворца казенную мебель. Генерал-лейтенант Семен Салтыков поторапливал их. Кто-то в эту среду проинформировал отверженного о заступничестве великой княжны. Отец, не мешкая, велел Марии сесть за стол, и дочь написала Наталье Алексеевне: «Милостивейшая государыня великая княжна... вчерашнего числа ходила я к вашему высочеству простится, но не получила за отъездом Ваше Высочество видеть... Не могла я того оставить, чтоб Вашему Высочеству не донести, что государь мой дражайший родитель зело печалится: 1. Что Его Величество вчерашнего числа не получил видеть. 2. Что по прибытии сюда услышел, якобы Его Величество и на дворе Его Светлости стоять не изволит. И ныне прибыл сюда генерал-лейтенант господин Салтыков и объявил, что Его Величество весьма переездом из дому Его Светлости поспешать приказал. Напротиву же того, Его Светлости неизреченную приносит радость милостивое Вашего Высочества предстательство, что изволили Его Величество о свидании з батюшкой вчерашнего числа дважды просить. Того ради... прошу, изволите Его Императорское Величество просить, чтоб по прибытии сюда изволил прибыть в дом Его Светлости дражайшего родителя моего и с ним видется, дабы, как внутренние Его Императорского Величества и Вашего Высочества и Его Светлости неприятели, так и пограничные соседи, видя такие отмены, не порадовались».

Однако судьба князя решена. Ничто, ни роспуск на зимние квартиры Ингерманландского полка, ни сочувствие Голицыных и Натальи Алексеевны, ни тем более посланный Меншиковым в Киев вызов И.А. Зейкину (15 августа выдворенному за границу) не в состоянии исправить положение. Неосмотрительно брошенные вице-канцлеру в лицо упреки и угрозы погубили «полудержавного властелина». Выручить из беды Данилыча могла бы Елизавета Петровна. У нее хватило бы такта и ума для умиротворения всех сторон. Но цесаревна молчит. И молчит только потому, что на нежном пальчике Марии Александровны все еще красуется обручальное кольцо юного императора.

Около пяти часов вечера 7 сентября Петр II возвратился в столицу, остановившись в Летнем дворце. Не откладывая, царь объявил по гвардии, чтобы в полках не исполняли ничьих приказов, кроме генералов Юсупова и Салтыкова. Тем временем Светлейший, подавленный и отчаявшийся, просидел всю вторую половину дня в Ореховом кабинете в задумчивости. Вечером из Летнего дворца вернулись Мария и Александра Александровны, которых царская семья приняла весьма прохладно. А утром 8 сентября Семен Андреевич Салтыков нагрянул в дом князя с указом о домашнем аресте. Указ Александру Даниловичу зачитали в Предспальне. Документ произвел на генералиссимуса убийственное впечатление. Ему стало плохо. Пришлось пустить кровь. Придя в себя, арестант взялся за перо, дабы испросить у внука Петра Великого полного абшида и прощения неведомо за что: «Всемилоостивейший государь император!

По Вашему Императорского Величества указу сказан мне арест. И хотя никакого вымышленного пред Вашим Величеством погрешения в совести моей не нахожу... в чем свидетельствуюсь нелицемерным судом Божиим... в таком моем неведении и недоумении всенижайше прошу за верные мои к Вашему Величеству [известные] службы всемилостивейшего прощения и дабы Ваше Величество изволили повелеть меня из-под ареста освободить... Также сказан мне указ, чтобы мне ни в какие дела не вступаться, так что я всенижайше и прошу, дабы Ваше Величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе... Что же я Кайсарову дал письмо, дабы без подписания моего расходов не держал, а словесно ему неоднократно приказывал, чтобы без моего или Андрея Ивановича Остермана приказу расходов не чинил, и то я учинил для того, что, понеже штат еще не окончен, и он к тому определен на время, дабы под образом повеления Вашего Величества напрасных расходов не было. Ежели ж Ваше Величество изволите о том письме рассуждать в другую силу, и в том моем недоумении прошу милостивого прощения». Второе письмо с просьбой о заступничестве перед государем Светлейший адресовал Наталье Алексеевне.

Послания не произвели впечатления на монарха. Последнюю попытку предотвратить, нет, не отставку, а изгнание предприняли Дарья Михайловна Меншикова с сыном Александром и Варвара Михайловна Арсеньева. Жена и свояченица в Летнем дворце безрезультатно умоляли Петра Алексеевича о снисхождении. Мальчик женщин не утешил ничем. Апелляция сестер к Наталье Алексеевне, Елизавете Петровне и Андрею Ивановичу также успехом не увенчалась. В тот же день Остерман в беседе с секретарем австрийского посольства Карамин объяснил позицию правительства: «Карлу VI хорошо известно, в какой мере странным был образ действий князя. Эта странность поступков князя становилась со дня на день хуже, так что император не мог не решиться положить конец всему этому. Впрочем, не будет принято никакой более крутой меры против князя, лишь бы он не подавал к этому повода. Ему будет дозволено жить в одном из его имений».

8 сентября Александр Данилович покорился роковому стечению обстоятельств, больше не уповал на удачу и пассивно протомился в неизвестности с утра до вечера в Предспальне. Преданный Алексей Волков скрашивал уединение хозяина, а связь с внешним миром осуществлялась через дежурившего за дверью флигель-адъютанта Ливена. В десятом часу пополудни князь поужинал и «изволил иттить опочивать». В любимом дворце ему оставалось прожить еще сорок два часа. Сорок два часа нервного напряжения, укладывания вещей, общения с членами семьи, охраной и воспоминаний о славной юности, знакомстве с Петром Великим, службе подле царя на благо России, заграничных поездках и кровавых битвах, Полтавской виктории и Померанском походе, семейных радостях и неурядицах, трагедии царевича Алексея и покровительстве императрицы Екатерины, конфликте с Морицем Саксонским из-за Курляндии и приятном времяпрепровождении в обществе обаятельной и умной цесаревны Елизаветы...[28]

* * *

8 сентября Петр II на заседании Верховного Тайного Совета постановил: «Никаких указов или писем... которые от князя Меншикова или от кого б иного партикулярно писаны или отправлены будут, не слушать и по оным отнюдь не исполнять под опасением нашего гнева». 9 сентября в том же собрании Светлейшего лишили всех чинов, орденов и предписали ему с фамилией выехать в дальнейшее провинциальное поместье Раненбург. 10 сентября 1727 года в четыре часа пополудни кортеж Александра Даниловича Меншикова тронулся в путь. На фоне всеобщего изумления столь стремительным и внезапным низвержением могущественной персоны мало кто обратил внимание на автоматическое расторжение помолвки Петра Алексеевича и Марии Александровны. А напрасно.

14 октября в Клину специально посланный курьер забрал у Марии перстень царя и вернул ей ее собственное кольцо. Спустя месяц, в ноябре 1727 года, двенадцатилетний отрок оголошил верховников сенсационным капризом: хочу жениться и женюсь на Елизавете Петровне. Остерман с товарищами потратил впустую все свое красноречие, отговаривая императора от безумной идеи кровосмесительного брака. Монарх проигнорировал мнение вельмож.

Что ж, цесаревна могла быть довольна. Все шло по блестяще спланированному принцессой сценарию. Меншиков в ссылке. Мария с Александрой из списка конкуренток вычеркнуты. Царь глядит на тетушку с обожанием. Мальчик под полным контролем хитрой девицы. Заявление о грядущей свадьбе уже прозвучало. Пройдет года два или три, священник обвенчает счастливую пару, и тогда вся Россия узнает, насколько была не права, отдавая предпочтение августейшему жениху, а не третьей царской невесте...

Повторимся лишний раз. Человек предполагает, а Господь располагает! Да, наверное, все бы так и случилось, как задумала дочь Петра Великого, если бы... Если бы приблизительно тем же летом или ранней осенью красавице не попался на глаза статный и молодой гвардии унтер-офицер. Стрела амура тотчас поразила сердце восемнадцатилетней девушки, которая влюбилась с той же силой и страстью, какую юный государь питал к ней самой. А бравый капрал гренадерской роты Семеновского полка Алексей Яковлевич Шубин ответил красавице взаимностью и 25 октября 1727 года по личному указу императора вдруг удостоился звания гвардии сержанта, перепрыгнув за раз три ранга – фурыера, унтер-фендрика и каптенармуса. И ведь понимала, голубушка, что играет с огнем: разоблачи соблазненный император любовную интрижку, вся комбинация мгновенно развалится. Однако чувство целиком поглотило молодую особу, и прекрасная амазонка рискнула поспеть повсюду. Рискнула и потерпела сокрушительное поражение. В конце лета 1728 года кара настигла самонадеянную цесаревну. Остерман разгадал маневр Елизаветы, при помощи Долгоруковых открыл имя тайного любовника, после чего уведомил царя о романе тетушки с гвардии сержантом. 26 августа (6 сентября) 1728 года гроза разразилась над обманщицей: на празднике в день святой Натальи «все заметили величайшую перемену в обращении царя с принцессой Елисаветой. Прежде, он безпрестанно говорил с нею, а теперь не сказал ей ни одного слова и даже ушел не простившись»[29]. Скандалный разрыв племянника с прелестной родственницей в то же мгновение перечеркнул всякую надежду цесаревны на приобретение российской короны посредством кровосмесительного брака. Опала и затворничество отныне стали уделом честолюбивой дочери Петра Великого, а не головокружительные придворные интриги и хитроумные политические комбинации.

Впрочем, это уже другая история. История не дебюта, а возмужания прирожденного политика, осознавшего, что за власть надо бороться с благословения нации, а не вопреки всему навязывать себя ей. За годы царствования Анны Иоанновны Елизавета сумеет завоевать огромную популярность среди различных слоев населения и, кроме того, разработает оригинальную концепцию управления государством таким образом, чтобы не калечить во имя высших целей жизнь окружающих людей (дело Лопухиных – единственное исключение). Трагедии Толстого, Девизера, Меншикова, но в первую очередь собственная катастрофа подтолкнул цесаревну к переосмыслению доминировавших с эпохи Макиавелли принципов руководства обществом. Она не будет зачитываться политическими трудами Монтескье, Вольтера (которого уважала, как великолепного полемиста и публициста) и прочих философов, понимая, что ничего реально полезного у лиц, не знакомых с процессом управления, судивших о нем абстрактно, почерпнуть не сможет. Поэтому дочь Петрова тщательно и кропотливо примется за изучение истории европейских стран и из опыта предшественников почерпнет факты и прецеденты, опираясь на которые позднее продемонстрирует миру свою политическую науку побеждать.

1730 год. Две республики

«Затейка» членов Верховного Тайного Совета на исходе зимы 1729/30 года – одно из самых загадочных событий в русской истории XVIII века. Что это было? Многим хочется думать, что первым шагом на пути к конституционной монархии, спонтанным, неподготовленным и потому неудачным. Правительство и дворянство просто не поняли друг друга, вследствие чего много обещавший либеральный проект потерпел фиаско.

Однако мы вновь имеем дело с заблуждением, ибо популярный вывод опирается на поспешный и неточный анализ источников, имеющихся в нашем распоряжении. Ведь по обыкновению за бортом исследований остались многие важные детали и обстоятельства, противоречащие или не вписывающиеся в принятую за аксиому версию. Если же осмыслению подвергнуть все факты, в том числе неудобные и незамеченные, то сюжет знаменитой истории о разорванных кондициях окажется гораздо драматичней и поучительнее прежней однобокой и идеологически выверенной концепции.

* * *

Глубокой ночью 19 января 1730 года в знаменитом московском дворце Франца Лефорта (ныне здесь РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив) совещались восемь сановников. Только что все единодушно одобрили инициативу Д.М. Голицына, предложившего провозгласить герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну наследницей скончавшегося часом ранее императора Петра II. Министры, похоже, уже собирались разойтись по домам. Однако их остановил все тот же князь Голицын, который вдруг произнес: «Воля ваша, ково изволите. Только надобно нам себе полехчить!»

«Как можно себе полехчить?» – удивился кто-то.

«Так полехчить, чтоб воли себе прибавить», – пояснил Дмитрий Михайлович.

«Хотя и зачем, да не удержим этого», – засомневался сидевший рядом В.Л. Долгоруков.

«Право, удержим! – уверенным голосом успокоил товарища Голицын и после короткой паузы молвил: – Будь воля ваша. Только надобно написав послать к Ея Императорскому Величеству пункты»...[1]

Более двухсот пятидесяти лет миновало с того дня. За истекший срок написано много книг о трагических коллизиях 1730 года. Одни авторы восхищаются смелостью князя, опередившего свое время. Другие критикуют лидера верховников за самонадеянность и политическую близорукость. Но едва ли не все сокрушаются об упущенном шансе ограничения самодержавия в России. Что ж, шанс установления в империи конституционной монархии действительно существовал. Но лишь считанные часы. Причем связывать его с именем Д.М. Голицына совершенно несправедливо. Напротив, не кто иной, как князь Дмитрий Михайлович, в первую голову повинен в том, что возможность учреждения в российском государстве демократической республики не реализовалась. Тот, кто за два дня до смерти, 6 ноября 1739 года, выдумал выше процитированный разговор и поведал о нем потомкам (через следователей Тайной канцелярии), очень хорошо знал это.

Увы, не Голицын-старший выдвигал и отстаивал на историческом ночном заседании 19 января 1730 года конституционные идеи, а другой человек. Ведь брат прославленного петровского фельдмаршала, героя Гренгама и рейдов по Финляндии, ратовал за сосредоточение всей полноты власти в собственных руках. Не более того. Спорил же с ним, призывая не бояться привлечения депутатов от дворянства к законотворчеству, князь Василий Лукич Долгоруков. Именно он и сочинил в 1739 году легенду, которая теперь кочует по страницам исторических

книг в качестве завязки рассказа о не увенчавшейся успехом «январско-февральской» революции 1730 года.

* * *

Четырнадцатилетний император Петр II заболел 7 января 1730 года. Подросток, подхватив где-то оспу, больше недели пролежал в постели, находясь в критическом состоянии. Окружающие с тревогой ожидали смерти царственного отрока и гадали о том, кто после него взойдет на российский престол. В принципе гадать было не о чем. По закону (восьмой статье тестаменты Екатерины I) скипетр следовало передать двадцатилетней цесаревне Елизавете Петровне при условии, что юный царь не напишет своего завещания.

Однако перспектива увидеть на троне младшую дочь Петра Великого очень многих приводила в ужас. Датский посол Георг Вестфален опасался военной и дипломатической поддержки, которую принцесса могла оказать отцу племянника – двухлетнего Карла-Петера-Ульриха – в деле возвращения Голштинии части герцогства, оккупированной ранее Данией. Членов Верховного Тайного Совета и большинство российских подданных пугали амбиции и безмерное честолюбие девушки, ради короны готовой на все, даже на кровосмесительный брак с другим племянником – самим императором Петром II. Летом 1728 года им удалось вовремя разоблачить и остановить хитрую девицу. Естественно, полтора года спустя никто из них не желал попасть в подчинение к сей, пусть и обаятельной, но весьма расчетливой и бессовестной особе.

В поисках альтернативы законной преемнице политическая элита разбилась на два лагеря. Клан Долгоруковых по совету неугомонного Вестфалена прочил на трон невесту царя – Екатерину Алексеевну Долгорукову. Вице-канцлер Остерман и князья Голицыны договорились совместными усилиями добиваться избрания царицей герцогини Курляндской Анны Иоанновны. Первое столкновение двух партий произошло 11 января. Долгоруковы попытались убедить государя срочно обвенчаться с обрученной невестой. Но дежуривший у постели больного Остерман парировал атаку противника, внушив Петру Алексеевичу, что с брачной церемонией не стоит спешить. Предотвратил вице-канцлер и другую опасность: Петр II так и не подписал завещания ни в пользу Екатерины Долгоруковой (вариант, в общем-то, маловероятный), ни в пользу Елизаветы Петровны (а вот тут угроза существовала серьезная, ибо мальчик, несмотря на разрыв 1728 года, по-прежнему очень любил тетку).

Невзирая на противоречия по кандидатуре наследника, обе фракции единым фронтом дали отпор немногим сторонникам Елизаветы. Австрийский посол Вратислав, посланники голштинский Бонде, бланкенбургский Крамм напрасно зондировали настроения Остермана, Головкина и Ягужинского (с 1728 г. обер-шталмейстера) относительно юной красавицы. Повсюду иноземцев ожидал холодный прием. В отличие от иностранных союзников, сама антигероиня прекрасно понимала сложившуюся обстановку. Елизавета Петровна под предлогом какого-то недомогания благоразумно задержалась в подмосковной вотчине и вмешиваться в назревавший политический кризис не собиралась. Позиция независимого наблюдателя ее вполне устраивала, и, как позднее выяснилось, она приняла верное решение[2].

В ночь с 16 на 17 января самочувствие императора резко ухудшилось. Температура сильно подскочила вверх. Лихорадка усугубила оспу. Две напасти сразу подросток перенести уже не смог. Все быстро осознали, что царь умирает. А значит, вопрос о престолонаследнике вот-вот встанет в повестку дня. В семье Долгоруковых первым очнулся Алексей Григорьевич, который днем 17-го числа позвал к себе на совет в особняк Головина (располагался недалеко от Лефортовского дворца) двух родных братьев – Сергея и Ивана – и трех близких родственников – князя Василия Лукича и князей Михаила и Василия Владимировичей Долгоруковых. За последним слуге пришлось скакать в подмосковную деревню княжны Вяземской.

Сергей и Иван Григорьевичи, а также Василий Лукич приехали в Головинские палаты прежде Владимировичей. Хозяин дома встретил их, лежа в постели, и провел с ними предварительные консультации. Идея Вестфалена – провозгласить царицей Екатерину Долгорукову – основательно засела в головах трех братьев. Немного опоздавший Василий Лукич против рискованного проекта тоже не возражал. Тут же пять членов влиятельного рода (в том числе и сын Алексея Григорьевича обер-камергер Иван Долгоруков) взялись за сочинение духовной императора. Первым, присев на стул у камина, заскрипел пером по листу бумаги Василий Лукич. Но вскоре вельможа прервал начатое дело и заявил компаньонам: «Моей руки письмо худо. Кто бы получше написал?» Эстафету принял Сергей Григорьевич. Дядя царского любимца – Ивана – настроил и черновик, и две беловые копии августейшего завещания. На одном из оригиналов за государя расписался Иван Алексеевич (перед тем молодой человек продемонстрировал всем, насколько его почерк совпадает с почерком Петра II). Второй экземпляр остался неподписанным. Участники совещания поручили брату царской невесты в удобный момент подсунуть документ больному мальчику на апробацию. В случае срыва идеального сценария Долгоруковы намеревались выдать за подлинный фальшивый testament[3].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.